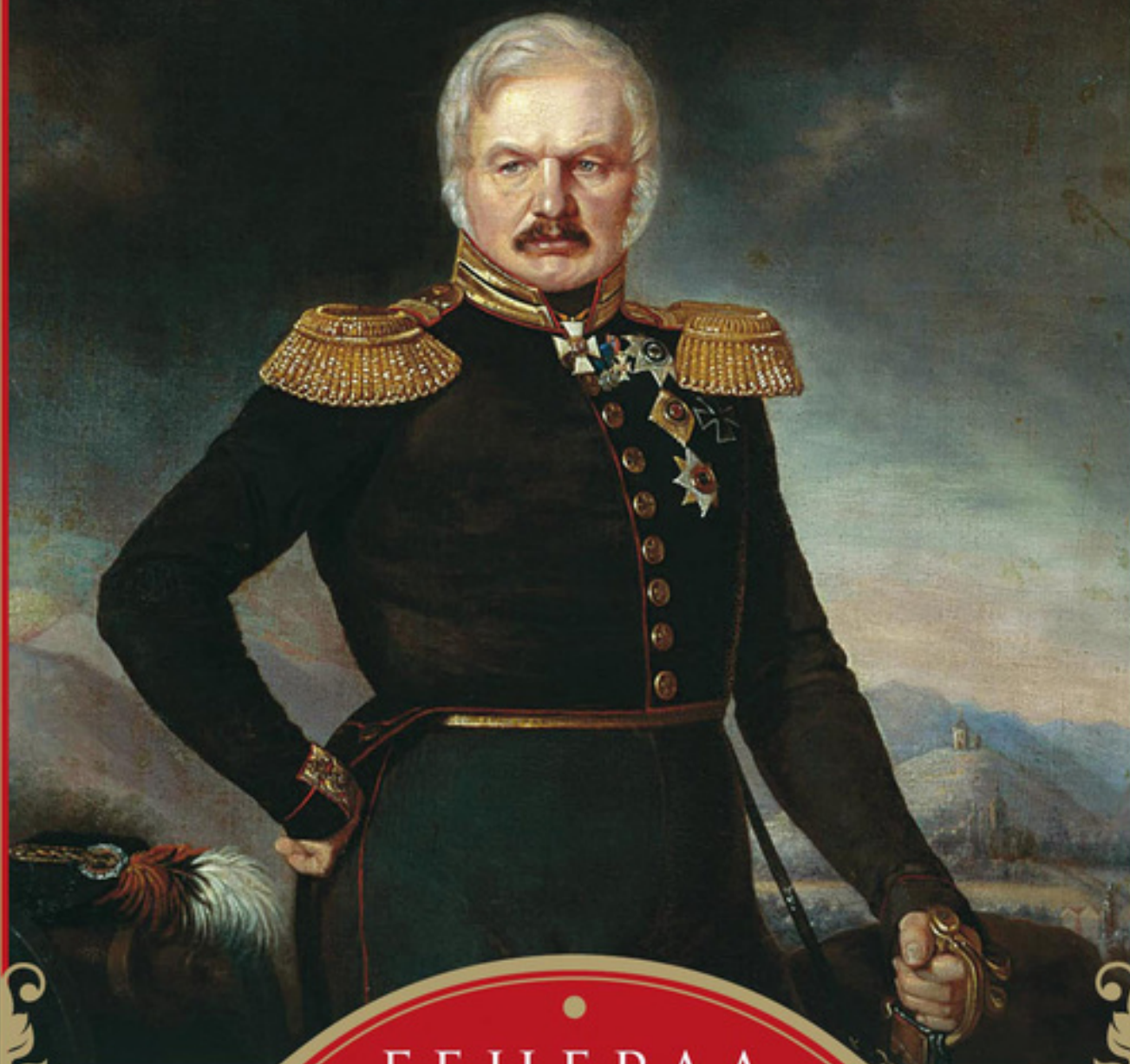

• МИХАИЛ ПОГОДИН •

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ ЛЕГЕНДАРНОГО СОЛДАТА
ИМПЕРИИ, ГЕРОЯ ЭЙЛАУ И БОРОДИНА
И БЕЗЖАЛОСТНОГО
ПОКОРИТЕЛЯ КАВКАЗА

Михаил Погодин

**Генерал Ермолов. Сражения и
победы легендарного солдата
империи, героя Эйлау и
Бородина и безжалостного
покорителя Кавказа**

«Центрполиграф»

1863

УДК 355
ББК 68

Погодин М. П.

Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа / М. П. Погодин — «Центрполиграф», 1863

ISBN 978-5-227-07482-9

Алексей Петрович Ермолов – фигура в русской истории загадочная, противоречивая и тем не менее легендарная. С юности дерзкий и независимый, Ермолов раздражал высокопоставленных особ. Восстание в Польше, военные действия против французов в Италии, осада крепости Дербент, временная опала, участие в войне коалиций с Наполеоном, Отечественная война и, наконец, Кавказ. Ермолов начал с покорения Чечни и Горного Дагестана. Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся, покоренные народы приводились к присяге на верность российскому императору, облагались данью, у них брались заложники. Имя Алексея Ермолова стало нарицательным, им горцы пугали своих детей.

УДК 355
ББК 68

ISBN 978-5-227-07482-9

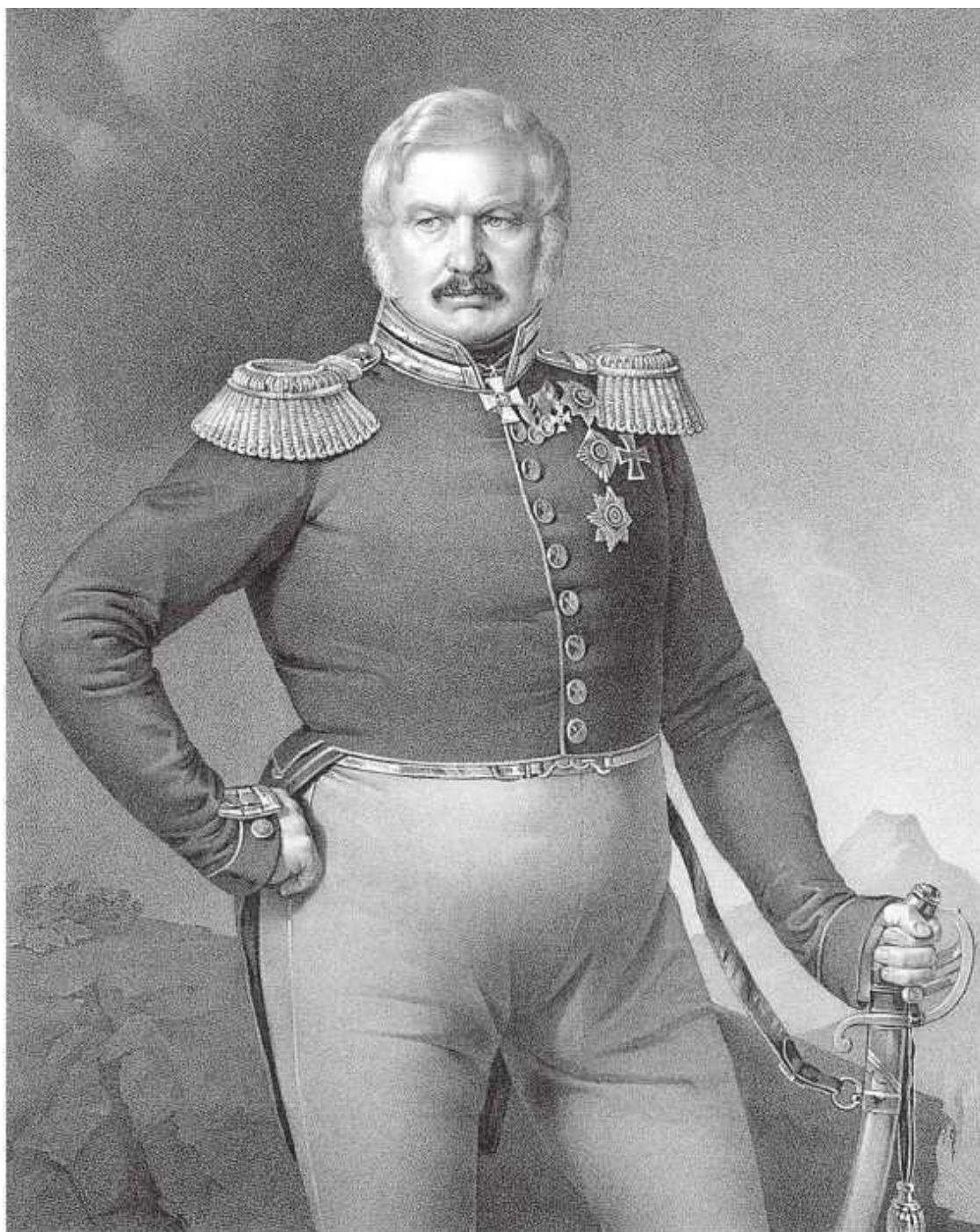
© Погодин М. П., 1863
© Центрполиграф, 1863

Содержание

Предисловие	7
Молодые годы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Погодин
Генерал Ермолов. Сражения и
победы легендарного солдата
империи, героя Эйлау и Бородина и
безжалостного покорителя Кавказа

Генерал Ермолов

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, добротою, простотою и ласковостью в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем, но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образованию, — мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиной своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного — человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Виллие характеризовал как *homme aux grands moyens*¹.

К.А. Ухтомский. Портрет А.П. Ермолова

¹ Человек с большими возможностями (фр.). (Здесь и далее примеч. авт., кроме особо указанных случаев.)

Ф. Вендармини. Портрет М.А. Милорадовича

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частью Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

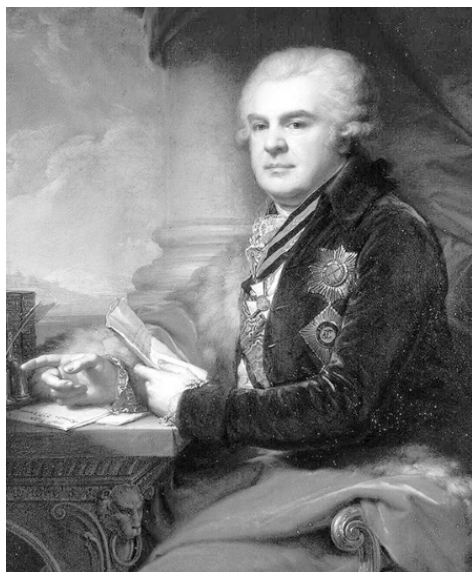
Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцелярией графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первоначальным учителем А.П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левона.

Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

И.Б. Лампи Старший. Портрет генерала А.Н. Самойлова

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в Университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шар наганами или невеждами.

«Бедное состояние семьи моей, – говаривал Ермолов, – не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени». (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною.)

«Шарлатаны, – говаривал он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: *Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants!*² – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж».

² Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (*фр.*)

И. Барду. Портрет матери Ермолова, М.Д. Давыдовой

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полустолетия. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н.Н. Раевский, представившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллериею. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение – стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенной физической силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронизательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слышивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему пронизательности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного

времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, ирониею и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходилась па их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод.

Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы».

Д. Доу. Портрет А.П. Ермолова

Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и настойчиво просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что наконец и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден Святого Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе Персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова.

Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрел самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилоостивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счел себя всем этим крайне оскорбленным и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донес о нем как «о человеке неблагонадежном». Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвез его прямым трактом в Петропавловскую крепость, где Ермолов истомился под стражею, а затем он был сослан в Кострому.

Там он нашел другого изгнанника, Платова, впоследствии графа и атамана войска Донского.

В ссылке Ермолов пробыл целых три года, и это время далось ему нелегко. Он был исключен из службы и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отrekliсь от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!

Сильный волею, энергический Ермолов, однако, не пал духом от всех этих передраг. От нечего делать он принялся за изучение латинского языка у протоиерея Груздева, читал и переводил Юлия Цезаря и, кроме того, стал учиться играть на кларнете. По восшествии на престол императора Александра I он был освобожден вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент Военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству похлопотать об Ермолове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, «он наскучил всему миру секретарей и писцов», являясь ежедневно в Военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне.

Время, проведенное Алексеем Петровичем в ссылке, отразилось навсегда на его характере неизгладимыми чертами. Он стал сосредоточен, задумчив и полюбил уединение. «Я редко или почти никогда весел не бываю, сижу один дома, – писал он одному из своих друзей. – Я сыскал себе славного учителя на кларнете и страшно надуваю, и по-латыне упражняюсь».

Ф. Вендармини. Портрет М.Б. Барклая де Толли

Кроме того, аресты и ссылка развили в нем мнительность, и всякая безделица беспокоила его и заставляла страшиться новых неприятностей в том же знакомом роде. Вот один интересный случай, который рассказывает г. Дубровин. Один из офицеров Алексея Петровича проиграл 600 рублей казенных денег. Ермолов тотчас же арестовал его, взыскал деньги с выигравших и, уступив просьбам, а главное, «избегая случая сделать человеку несчастье, сам собою испытавши, сколько тягостно переносить оное», согласился скрыть это дело и не доносить начальству о проступке офицера. По частному письму его к начальнику офицер был переведен по неспособности в Кизлярскую гарнизонную роту. Офицер обиделся за то, что его признали неспособным, и решил лучше во всем признаться. Ермолов страшно встревожился; ему мерещились всяческие беды за сокрытие преступления подчиненного, и он не прежде успокоился, как тогда, когда офицер согласился не поднимать этого дела и ехать в Кизлярский

гарнизон. «Страшно боюсь я хлопот, – писал он по этому поводу к своему другу, – трехлетнее несчастье сделало меня робким».

Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии.

Не имея ничего определенного в виду, он бросался из стороны в сторону: то хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова, то хлопотал о переводе в казаки. (Тогда же, вероятно, ему пришла и комическая мысль «проситься и в немцы», но тогда ему было не до шуток, к которым он нисходил порою в веселые минуты в старости.) Словом, Ермолов просил отправить его куда-нибудь, выискать для него какой-нибудь подвиг, а не то, писал он, «завалешься полуполковником; русская пословица: не все хлыстом, иногда и свистом – вот мое правило с давнего уже времени».

Война 1812 года выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806–1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии, он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говаривали: «Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит». Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то что начальство, за исключением Кутузова, большею частью неблагоприятно и несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов, и до такой степени умалчивало о них в реляциях, что отец Ермолова, к которому обратился один из почитателей его сына с просьбою выслать его портрет, прославляя его как любимого народного героя, отвечал: «Подвигов героя вашего не видал я ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены генералами Винценгероде, Тетенборном, Бенкендорфом и пр. и пр.»

Ф. Вендармини. Портрет М.И. Платова

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения; чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны: «К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов».

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: «Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет обходительнее и вежливее с нами».

Однажды во время кампании 1812 года Барклай де Толли приказал образовать легкий отряд. Ермолов назначил Шевича начальником отряда, в состав которого вошли казаки, бывшие под начальством генерала Краснова. Шевич оказался моложе Краснова. Платов, как атаман, вступился за своего подчиненного и просил Ермолова разъяснить ему: давно ли старшего отдают под команду младшего, и притом в чужие войска?

– О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, – отвечал Ермолов, – потому что из вашей канцелярии еще не доставлен список этого генерала, недавно к нам переведенного из Черноморского войска. Я вместе с тем должен заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его.

Казаки обиделись таким ответом, и правитель дел атамана продолжал возражать Ермолову.

– Оставь Ермолова в покое, – отвечал Платов, – ты его не знаешь: он в состоянии с нами сделать то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление.

Д. Доу. Портрет И.Ф. Паскевича

Но, будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и защитником своих подчиненных. «Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею», – писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполковником и командуя ротой, Ермолов поминутно просит то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознавая сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом с просьбой то о том, то о другом из своих подчиненных.

Наскучив неблагоприятной службой, на которой все усердие его и все подвиги его никогда по заслугам не оценивались, Ермолов в ноябре 1815 года вышел в отставку и, сдав в Познани свой корпус генерал-лейтенанту Паскевичу, отправился в Россию и поселился в Орловской губернии, в имении старика отца, считая свою службу оконченной. Но назначение его главным-командующим на Кавказ, которым он был очень доволен, призвало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно,

чем оно было прославлено в нашей армии и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, – славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повешавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Русская публика, без сомнения, будет очень благодарна г. Погодину за его попытку воспроизвести некоторые черты из жизни недавно почившего истинного народного русского героя, и доказательством этой благодарности в настоящее время до некоторой степени может служить довольно общее внимание печати ко всему рассказанному о Ермолове г. Погодиным. Но во всяком случае сказание это опять еще далеко не удовлетворяет бездну вопросов, поставленных русской любознательности многозначщею личностью Алексея Петровича и странной его судьбою, которую унаследовали за ним и некоторые другие, про которых где-то сказано стихами:

Послать туда таких-то,
Авось их там убьют!

За вскрытие материалов для биографии Алексея Петровича современные писатели берутся уже не в первый раз, но она, как видно, еще жжется... Печаталось нечто и вроде его записок; появлялись и воспоминания и материалы; и Л.Н. Толстой не прошел Ермолова молчанием в «Войне и мире» и представил его даже со стороны не совсем привлекательной в его отношениях к Кутузову («старому человеку»), которому Ермолов посылал лист белой бумаги вместо донесения; пробовали даже выводить Ермолова и в романах под вымышленными именами. Так, еще при жизни Ермолова, в 1864 году, в одном из выходивших тогда романов Алексей Петрович, как все узнали (и чего ныне не отрицает и сам автор), Ермолов был изображен под именем «полного генерала Стрепетова», и там показаны некоторые его отношения к некоторым людям нового толка, а все-таки Алексея Петровича Ермолова в полном и ясно определенном образе все еще нет... «Беспримечательный начальник и невозможнейший подчиненный» в нем уже кое-как намечены, но что именно делало этого человека таким и «хорошим, да неудобным», как о нем говорили, – это ждет талантливый разъяснитель, для которого к тому же еще остается и совершенно нетронутой целая долгая полоса жизни Ермолова, полоса, которую он называл своим «московским сиденьем» и гляденье на «Иерихонского» и других лиц, смущавших своими громкими карьерами тишину его предсмертного заката.

Алексей Петрович Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и не скудно распространенного у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам «неудобных» русских людей, и разъяснение его личности в связи со всеми касательствами к нему среды, в отпор коей он принимал ту или другую позицию, должно составить вполне глубокую и благодарную задачу и для историка-биографа и для критика. Тому-то, кто сумеет судить о Ермолове правильно и беспристрастно, предстоит завидная доля сказать многое, очень многое «старым людям на послушание, а молодым на поучение».

Н.С. Лесков

Молодые годы

Не имея притязания писать биографию Алексея Петровича Ермолова, я намерен в предлагаемой статье представить обозрение его жизни собственными его словами, из записок, рассказов, писем от него и к нему, приказов, распоряжений и тому подобных источников, которые удалось мне собрать или записать. Смею надеяться, что читатели по этим подлинным документам составят себе довольно ясное понятие о знаменитом деятеле нашего времени, который под Витебском, Бородином и Кульмом и, наконец, в продолжение десятилетнего управления Кавказом стяжал себе бессмертную славу в летописях русской истории. Начало записано мною со слов самого Алексея Петровича, с присоединением нескольких обстоятельств, записанных г. Степановым³. Продолжение заимствовано из собственных записок Алексея Петровича, с присоединением рассказов Дениса Васильевича Давыдова, писем, напечатанных в «Чтениях Исторического общества», и некоторых отдельных замечаний, которые случилось мне слышать как от самого Алексея Петровича, так и от близких ему людей.

Для предварительного знакомства читателей с личностью Ермолова я предложу некоторые общие черты из его изображения, написанного знаменитым нашим партизаном-поэтом Д.В. Давыдовым: «Обнаружив с самого юного возраста замечательные способности, Ермолов приобрел впоследствии все качества отличного воина. Он представляет редкое сочетание высокого мужества и энергии с большою проницательностью, неутомимую деятельностью и непоколебимым бескорыстием; замечательный дар слова, гигантская память и неимоверное упрямство составляют также отличительные его свойства».

Д. Доу. Портрет П.И. Багратиона

Будучи одарен необыкновенною физическою силой и крепким здоровьем, при замечательном росте, Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми, в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва. Ермолов, будучи весьма смел со старшими, явно выказывал, подобно

³ Они отмечены буквой «С».

князю Багратиону, малое сочувствие свое к немецкой партии, во главе которой находились Барклай, Витгенштейн и многие другие.

Так, например, в начале Отечественной войны он отзывался следующим образом о штабе Барклая:

«Здесь все немцы, один русский, да и тот безродный»; в то время служил тут чиновник Безродный⁴. Одаренный характером твердым и самостоятельным, он был всегда замечателен по отменной приветливости и обходительности со своими подчиненными, сердцами которых он вполне владел. Находясь еще в чине полковника, его обращение относительно некоторых генералов было таково, что они говорили: «Когда-то его произведут в генералы? Он тогда, конечно, перестанет выказывать такое к нам пренебрежение».

Отличаясь всегда примерною скромностью, он не только не старался возвышать заслуг своих порицанием действий своих подчиненных, но, напротив, изыскивал все способы, чтобы представить в настоящем свете действия их; они всегда находили в нем самого ревностного, смелого и правдивого защитника своих прав. Я, кроме случаев, приведенных мною в моих записках, мог бы еще упомянуть о многих других, в коих многие лица нашей армии имели в Ермолове самого неустрашимого ходатая, нередко высказывавшего своим начальникам весьма сильные и не совсем для них приятные истины. Не дозволяя себе никогда малейшей дерзости или невнимания относительно младших по себе, особливо провинившихся, он ограничивался замечаниями, уподоблениями, кои, не заключая в себе ничего оскорбительного, производили тем не менее на них магическое действие.

Выслушивая снисходительно все справедливые возражения своих подчиненных, хотя бы они были иногда облечены в формы несколько резкие, он усугублял внимание и снисходительность, когда обстоятельства, о коих ему доносили, принимали серьезный характер. Но добродушие, коим отличаются разговоры его с младшими, совершенно исчезает, когда ему надлежит прибегать к перу; мысли и суждения, излагаемые им, хотя не совсем правильно, но с мужественною силой и энергическою простотою, облекаются часто в формы крайне резкие; впрочем, самый разговор его носит обыкновенно на себе отпечаток большого остроумия и язвительной насмешки. Едкая ирония его речей, которою он разил врагов своих, приобрела ему весьма много недоброжелателей. Прочитав однажды одно из его писем, я не мог воздержаться, чтоб ему не написать: «Во что обмакиваете вы перо ваше, потому что с него стекают не чернила, а желчь?» Это может быть причиной того, что он, кроме записок об Отечественной войне, почти ничего другого не писал. Оставаясь во многих отношениях образцом избранных людей прошедшего времени, он стоит выше толпы, которая, видя в нем живой протест, беспощадно преследует его своею завистью. Бездарная и неблагонамеренная посредственность, оскорбленная его едкими насмешками и не будучи в состоянии обвинить его в неспособности, изошряла и изошряет ум свой для изобретения всевозможных против него клевет: его называли интриганом, пьяницей, безбожником, хотя положительно известно, что он почти не употреблял и не употребляет вина, и нередко взыскивал с своих приближенных на неисполнение церковных обрядов⁵.

⁴ Он умер сенатором и действительным тайным советником. У меня записаны еще два анекдота в этом роде. У Ермолова спросили однажды, какой милости он желает? «Пусть пожалуют меня в немцы», – отвечал Ермолов, и объяснял свой ответ тем, что немцем он может получить все уже сам. В другой раз, войдя в залу перед внутренними покоями императора Александра, где ждало много военных, он вдруг без всякого повода обратился к ним с вопросом: «Позвольте узнать, господа, говорит ли кто из вас по-русски?» Не нужно припоминать, что в то время был сильный антагонизм между русскими и немцами, теперь, к общему удовольствию, не существующий.

⁵ Во время пребывания своего в Грузии Алексей Петрович требовал, чтобы окружающие его чиновники и офицеры постились на Страстной неделе и посещали церковь в праздничные дни; в Великий четверг во время чтения о страстях Господних присутствовали даже и некоторые мусульмане.

Д. Доу. Портрет Д.В. Давыдова

Ермолов, приобретший обширные сведения, особенно в военных науках и истории, снимал большую частью сам местность на бумагу и делал весьма скоро зарисовки и эскизы. Вынужденный часто диктовать в одно время нескольким лицам письма разнородного содержания, он обыкновенно собственноручно и прямо набело писал значительным особам официальные бумаги и письма; эти послания, писанные часто под влиянием минутного раздражения и проникнутые потому самою едкою иронией, отличались вполне смелым и резким тоном. Я знавал некоторых значительных лиц, кои просили Ермолова, избавив их от официальной с ним переписки, излагать свои просьбы и требования в частных письмах.

Пользуясь благоволением императора Александра, находившего большое удовольствие читать его письма к П.А. Кикину, П.И. Меллер-Закомельскому и другим приятелям, Алексей Петрович, ненавидевший просить о чем-либо для себя, нередко исходатайствовал этим путем аренды и разного рода денежные награждения достойным лицам, о недостаточности состояния которых никто не решался доводить до сведения его величества. Хотя Ермолов испытал в течение своей жизни весьма много неприятного, но это не оказало никакого влияния на его неизменно веселый нрав. Взор мой не может не остановиться на этой светлой личности, нередко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, без сомнения, больших недостатков и слабостей, но вполне искупившей все это теплотою души и замечательною любовью к общественному благу. Хотя судьба не позволила ему, совершив ряд кампаний, одержать самому большие победы; его решительность и проницательность, выказанные им в самые критические минуты великих войн и коим наша армия была не один раз обязана своим спасением, примерная и столь редко встречающаяся бережливость относительно казенных денег и людей, умение увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать их к благотворной деятельности справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уважение современников. Ни один почти начальник не внушал, подобно А.П. Ермолову, своим подчиненным такого глубокого уважения, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаний.

Если мы, современники и очевидцы магического действия, производимого в наших войсках одним именем Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностью, коею он всегда пользовался, то наши потомки будут вправе думать, что известие о том если не вымышленно, то, по крайней мере, весьма преувеличенно; самые враги его, бывшие не раз свидете-

лями необыкновенной любви и преданности, питаемых к нему войсками, не могут отрицать этого обстоятельства. Достоинно удивления то, что хотя Ермолов уже давно не стоит в рядах нашей действующей армии, но доселе одно появление его среди наших войск и в особенности среди своих старых подчиненных возбуждает по-прежнему невероятный и безграничный восторг. Я сохранил у себя несколько копий с писем, писанных Ермолову некоторыми из его подчиненных перед самою их кончиною, когда они не имели уже нужды говорить ничего другого, кроме истины. Все они оканчиваются молитвою к Богу: да продлит и благословит Он его жизнь и командование. Я бы сам тому не поверил, если бы не был свидетелем многих подобных случаев и не имел бы у себя в руках письменных документов, подтверждающих это; а потому все мною здесь сказанное не есть лишь восторженный панегирик человеку, коему судьба столь рано преградила путь к вящим заслугам отечеству и который мог бы образовать много истинно полезных военных людей.

Алексей Петрович приобрел, наперекор многочисленным врагам своим, редкую популярность человека, в коем ныне никто не нуждается для каких-либо своекорыстных целей. Будучи всегда поклонником красоты, он тем не менее всегда чуждался дамского общества, предпочитая мужскую компанию, и, будучи современником всего совершавшегося в России в течение более полустолетия, Алексей Петрович, употреблявший некогда свой замечательный дар слова на одушевление воинов, увлекает им ныне многочисленных стекающихся к нему посетителей. Литература и поэзия составляли всегда истинное наслаждение Алексея Петровича, знающего наизусть много стихотворений. Надо присовокупить, что Алексей Петрович, не могший не сознавать в себе способностей, был всегда одарен большим честолюбием, что не укрылось от проницательного князя М.И. Кутузова, который сказал о нем в конце 1812 года следующее: «Он прирожденный командующий». Не почитая себя администратором, он никогда не был преисполнен того ложного и неуместного самолюбия, которое не позволяет сознаваться в ограниченном круге своих познаний и прибегать за советами к более сведущим подчиненным; напротив того, чистосердечно сознавая в себе отсутствие административных сведений и совершенное непонимание финансовых вопросов, он любил поучиться у специалистов, хотя бы они были его подчиненные, к коим он иногда и при всех своих способностях и большом уме нередко простирал свою доверенность слишком далеко; верно оценивая умом своим способности других людей, он нередко заблуждался насчет нравственных качеств окружающих его лиц.

Не получая почти ничего от отца своего, особенно со времени производства своего в полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногим, он привык вести жизнь весьма умеренную и неприхотливую⁶.

Алексей Петрович Ермолов родился в 1777 году, 24 мая, в одном году с императором Александром, которого был старше тремя месяцами. Отец его Петр Алексеевич, небогатый орловский дворянин, служил по гражданской службе и был впоследствии председателем Гражданской палаты, а наконец управлял канцелярией генерал-прокурора графа Самойлова в последние года царствования императрицы Екатерины.

Мать, Марья Денисовна, была из рода Давыдовых⁷.

⁶ Алексей Петрович рассказал мне однажды: «В царствование Александра I владимирское дворянство пожертвовало сумму на какое-то учреждение. Губернатор отнесся ко мне с приглашением принять участие. Я отвечал, что не присылаю ему потому, что не имею во Владимире, равно как и в прочих губерниях ни одной души».

⁷ Напомним кстати о родственной связи, соединявшей следующие знаменитые в России фамилии: Потемкина, Ломоносова, Раевского, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч. У Потемкина было две сестры, одна была в замужестве за Николаем Борисовичем Самойловым (умер сенатором). У них остались сын и дочь. Сын Ал. Николаевич (следовательно, родной племянник Потемкину), впоследствии граф и генерал-прокурор. Дочь Катерина Ник-вна была в первом браке за Раевским и имела от сего брака сына Николая – знаменитого героя войны 1812 г., следовательно, Раевский был двоюродным внуком Потемкина. Раевский был женат на Константиновой, внучке Ломоносова, и имел двоих сыновей, с которыми бросился вперед в одном из сражений между Смоленском и Можайском, и дочь в замужестве за Михаилом Федоровичем Орловым, другую за князем

Родился Алексей Петрович в Москве, где-то между Арбатом и Пречистенкой.

Из детства его вот черта, которую он приводил однажды, будучи уже 80 лет, в доказательство своей памяти.

«Я помню, как я еще жил у отца с матерью, у нас была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера с рогом изобилия. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. В этом виде я помню эту фигуру и направление трещины, а мне было всего только 4½ года»⁸. (С.)

Алексей Петрович сначала учился у дворового служителя Алексея, по букварю и с резною указкой, расписанной синими фигурками. Потом поступил он в богатый дом одной вдовы (?), где он был какою-то неопределенною фигурой, потому что тут уже был один возлюбленный племянник. Дама эта была вдова наместника; она, как и все подобные ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашние наместники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знания их были ей известны как нельзя лучше; доверенность к ним была неограниченна; они управляли губерниями двумя, тремя и более. Это были совершенные сатрапы персидские. Такое положение естественно увеличивало гордость в родственниках и супругах этих особ. (С.)

Очень рано был он отдан учиться в Университетский благородный пансион, на руки к профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессор этот полюбил Алексея Петровича, и Алексей Петрович полюбил профессора. Бывши уже в чине генерал-майора, он не проезжал Москвы без того, чтобы не посетить своего наставника. А в Москве он бывал редко и то проездом, по делам службы. Родных у него здесь не было, а знакомых весьма мало и редко. Приедет он в Москву не как в столицу, а просто как на станцию: переложат ему лошадей в слободе и, как курьер, он мчится далее. (С.)

Попечителем пансиона был тогда Павел Иванович Фонвизин.

Памятным ему остался в пансионе учитель математики Крупеников.

Из пансиона, по переселении родителя из Москвы, он попал в Петербург, к знаменитейшему того времени математику Лясковскому, ученому, но в то же время и педанту. Однако он заслужил его привязанность и платил ему тем же. Впоследствии, именно в начале царствования Николая Павловича, взбунтовавшиеся гвардейцы навлекли на себя гнев царя. Алексей Петрович был тогда наместником на Кавказе. Из бунтовщиков был составлен целый полк, назначенный на Кавказ; в числе разжалованных был и сын Ляковского. Престарелый отец писал по этому случаю Алексею Петровичу, просил его принять его сына под свое покровительство и вспомнить своего бывшего наставника на закате дней. И действительно, через четыре дня после написания письма Ляковского не стало. (С.)

Князь Юрий Владимирович Долгорукий отвез Ермолова в Санкт-Петербург в 1792 году, тогда как он имел уже чин капитана гвардии, записанный в службу очень рано, по обычаю того времени. Он тотчас поступил адъютантом к графу Самойлову.

Присоединяю дополнение из записок Д.В. Давыдова об этом времени.

Будучи выпущен, в 1792 году, капитаном в Нижегородский драгунский полк, молодой Ермолов, коего отец был правителем канцелярии у генерал-прокурора графа Самойлова, состоял при сем последнем в качестве адъютанта; он был по несколько раз в год посылаем графом с грузом эполет и аксельбантов, единственной в то время фабрики Роговикова, к знамени-

С.Г. Волхонским. Во втором браке Катерина Николаевна Раевская была за генерал-майором Львом Денисовичем Давыдовым, от которого был сын Петр Львович, женатый на одной из графинь Орловых. Лев Денисович имел сестру Марью Денисовну, мать славного Алексея Петровича, и брата Василия Денисовича, у которого был сын Денис. Поэт-партизан, следовательно, двоюродный брат Ермолову. Мать Раевского была за родным дядею Ермолова. По ней Ермолов находился в свойстве и с ее братом, то есть генерал-прокурором Самойловым, в доме которого и жил в Петербурге при начале своей службы, в царствование императрицы Екатерины II.

⁸ Теперь уж не то, говорит г. С., записавший эту черту: «Алексей Петрович иногда забывает, что ему прочтешь. Если начнет рассказывать что-нибудь, то забывает названия местностей, но минуты чрез три вспомнит».

той княгине Е.Р. Дашковой, занимавшейся парфилажем. Выдержав экзамен с особенным отличием, он был переведен в артиллерию; участвовав в войне 1794 года с поляками, он заслужил лестные отзывы славного генерала Дерфельдена, мнением которого он всегда очень дорожил.

Ермолов, отличившись в особенности при штурме Праги, был награжден знаком Св. Георгия 4-го класса, полученным по назначению самого великого Суворова, вместе с князем Дмитрием Владимировичем Голицыным и И.Л. Шаховским. Будучи послан в Италию, вместе с чиновником Вюрстом, коему было поручено окончить коммерческие дела с Генуэзским банком, он посетил главнейшие пункты Италии и между прочим Неаполь, где видел, знаменитую по своей красоте, леди Гамильтон; вследствие ходатайства графов Самойлова и Безбородки, снабдивших его письмами к всесильному барону Тугуту, Алексей Петрович был назначен состоять при австрийском главнокомандующем Девисе, питавшем к русским величайшее уважение, после сражения при Рымнике, в коем он участвовал.

Вызванный из Италии, где он с австрийцами принимал участие в разных стычках против французов, Ермолов, в проезд свой чрез Берлин, присутствовал при бракосочетании знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскоре по своем возвращении в поход против персидского шаха, Ермолов, после бомбардирования Дербента, вековые стены которого разрушались с страшным треском, двинулся далее; переправившись с прочими войсками графа Зубова чрез Самур, он следовал к Куре на встречу бесчеловечному Аги-Магомед-хану, спешившему с огромным войском и 80 слонами.

Прибывший курьером, подполковник граф Витгенштейн (впоследствии фельдмаршал) привез повеление императора Павла о поспешном возвращении войск в пределы России *для полезнейшего армии употребления*. Хотя на основании полученного повеления надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному поражению, но по решению военного совета весь отряд отступил вместе до Терека, где его ожидал своенравный граф Гудович, пылавший гневом за то, что не ему было вверено начальство над экспедиционным корпусом. Избегая встречи с ним, многие, и в том числе Ермолов, пробрались степью в Астрахань⁹.

«Возвратившись в Россию, он поступил в состав батальона Иванова, из коего впоследствии образовался 4-й артиллерийский полк, в котором, по мнению графа Аракчеева, «у семи офицеров был лишь один мундир». (Д.)

Будучи произведен, по возвращении из похода в Персию, в подполковники, молодой Ермолов, командовавший артиллерийскою ротою, проживал в Несвиже; он квартировал вместе с доблестным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, братом его – умным князем Борисом, и двоюродным их братом – князем Егором Алексеевичем. Ермолов был поручен еще в войну 1794 года командиру Низовского полка полковнику Ророку, который в свою очередь передал его капитану того же полка Пышницкому (впоследствии начальнику дивизии); он подружился здесь с подпоручиком Низовского полка князем Любецким, известным по своим высоким способностям и обширным сведениям.

Александр Михайлович Каховский, единоутробный брат А.П. Ермолова, столь замечательный по своему необыкновенному уму и сведениям, проживал спокойно в своей деревне Смолевичи, находившейся в 40 верстах от Смоленска, где был губернатором Тредьяковский, сын известного пиита, автора «Телемахида». Богатая библиотека Каховского, его физический кабинет, наконец празднества, даваемые им, привлекали много посетителей в Смолевичи, куда молодой Ермолов прислал шесть маленьких орудий, взятых им в Праге после штурма этого предместья, и небольшое количество пороха, коим воспользовался хозяин для делания фейерверков. Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он везде пользовался,

⁹ О Грузии и Австрии у меня большие пробелы в записках, и надо ожидать дополнения из моей тетради, с поправками самого Алексея Петровича, которую я все еще надеюсь получить.

возбудили против него, против его родных и знакомых недостойного Тредьяковского, заключившего братский союз с презренным Линденером, любимцем императора Павла. Каховский и все его ближайшие знакомые были схвачены и посажены в различные крепости под тем предлогом, что будто бы они умышляли против правительства; село Смолевичи с библиотекою и физическим кабинетом было продано с публичного торга, причем каждый том сочинения и каждый инструмент были проданы порознь; Линденер удержал у себя из вырученной суммы двадцать тысяч рублей, а Тредьяковский пятнадцать тысяч рублей. Село Смолевичи досталось Реаду. Во время отступления наших войск от западной границы, в первую половину Отечественной войны, Ермолов, проходивший со штабом первой армии через Смолевичи, нашел здесь много книг с гербом Каховского. (Д.)

Между тем гроза, разразившаяся над Каховским, не осталась без последствий и для Ермолова, которого было приказано арестовать. Отданный под наблюдение поручика Ограновича, он был заперт в своей квартире, причем все окна, обращенные на улицу, были наглухо забиты и к дверям был приставлен караул; одно лишь окно к стороне двора осталось отворенным. Вскоре последовало приказание о том, чтобы отвести Ермолова на суд к Линденеру, проживавшему в Калуге; невзирая на жестокие морозы, Ермолов был посажен с Ограновичем в повозку, на облучке которой сидело двое солдат с обнаженными саблями, и отправлен через Смоленск в Калугу.

Остановившись для отдыха в Смоленске, Ермолов был предупрежден губернским почт-мейстером, давним приятелем его семейства, о презренных свойствах Линденера, не любившего щадить кого бы то ни было. Между тем прислано было из Санкт-Петербурга высочайшее повеление о прощении подсудимых, вина которых была даже в Петербурге найдена ничтожною. Приезд Ермолова в Калугу, где он остановился у дома Линденера, возбудил всеобщее любопытство. Линденер, будучи в то время нездоров, приказал привести к себе в спальню Ермолова, которому было здесь объявлено высочайшее прощение. Линденер почел, однако, нужным сделать строгий выговор Ермолову, которого вся вина заключалась лишь в близком родстве и дружбе с Каховским; заметив удивление на лице Ермолова, Линденер присовокупил: «Хотя видно, что ты многого не знаешь, но советую тебе отслужить пред отъездом молебен о здравии благодетеля твоего – нашего славного государя». Приняв во внимание советы многих, утверждавших, что если им не будет отслужен молебен, то он вновь неминуемо подвергнется новым преследованиям, Ермолов, исполнив против воли приказание Линденера, отправился с Ограновичем в обратный путь.

Между тем коварный Линденер, донося государю о приведении в исполнение его воли, изъяснил, однако, сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников, заслуживающих лишь строжайшего наказания. Ермолов, возвратившись к своей роте, оставался спокойным в течение пятнадцати дней, но прибывшему после того фельдъегерю было приказано доставить его в Санкт-Петербург со всеми его бумагами; так как опасались бегства обвиненного, то фельдъегерю было приказано оказывать ему дорожною всевозможное внимание. Прибыв в Царское Село, Ермолов и его спутник спокойно обедали и оставались здесь до наступления темноты; введенный в заблуждение ласковым обращением фельдъегеря, Ермолов полагал, что государь имел намерение дать ему новое назначение, но, когда ему было объявлено, что они прибудут в Санкт-Петербург лишь ночью, дабы не быть никем узванным, он убедился в том, что его здесь ожидало.

Остановившись сперва у квартиры генерал-прокурора Лопухина на Гагаринской пристани, они были пересланы в дом, занимаемый Тайною канцелярией, находившейся на Английской набережной. Вследствие приказания старшего чиновника этой канцелярии Ермолова повезли на время в Петропавловскую крепость, где заперли в каземат, находившийся под водою в Алексеевском равелине. Комната, в которой он был заключен под именем преступника № 9, имела шесть шагов в поперечнике и печку, издававшую сильный смрад во время топки;

комната эта освещалась одним сальным огарком, которого треск, вследствие большой сырости, громко раздавался, и стены ее от действия сильных морозов были покрыты плесенью. Наблюдение за заключенными было поручено Сенатского полка штабс-капитану Иглину и двоим часовым, неотлучно находившимся в комнате. Весьма часто, когда Ермолов обращался с каким-либо вопросом к одному из них, наиболее добродушному, он получал в ответ: «Не извольте разговаривать; нам это строго запрещено; неравно это услышит мой товарищ, который тотчас все передает начальству». После трехнедельного заключения он был повезен, в 7 часов утра, к Лопухину, у которого он застал несколько лиц в анненских лентах. Лопухин, строго приказав ему ничего не таить во время допроса, велел провести его в свою канцелярию; пройдя через ряд темных комнат, он вступил в ярко освещенный кабинет, где нашел чиновника Макарова, некогда коротко знакомого с отцом его и встрече с коим в этом месте немало удивился.

Макаров спросил Ермолова, как он попал под суд, а тот еще меньше знал о причине. Макаров, человек добрый, тотчас продиктовал ему послание, но Ермолов, переписывая, вставлял какие-то выражения, которые не понравились, и он был сослан на житье в Кострому. После оказалось, что бессовестный Линденер написал на него бог знает что. Между тем эта нелепая ссылка помешала Ермолову участвовать в Итальянской кампании и взять несколько уроков у такого учителя, каков был Суворов! Так судьба играет людьми. Одного недостойного она ведет и поддерживает, другому бросает камень на каждом шагу.

По прошествии этого времени Ермолову было приказано одеться потеплее и готовиться к дальней дороге; ему были возвращены: отобранное платье, белье, тщательно вымытое, и принадлежавшие ему 180 рублей. В подорожной курьера не было обозначено место ссылки, но сказано было лишь: «С будущим». На все вопросы Ермолова курьер, который был родом турок, долго хранил упорное молчание; он был окрещен и благодетельствован дядею отца Ермолова. Узнав о том, что он едет с родственником своего благодетеля, курьер, сделавшись весьма ласковым с ним, уведомил его, что ему было приказано передать его костромскому губернатору, почтенному и доброму Николаю Ивановичу Кочетову, для дальнейшей отсылки в леса Макарьева на Унже. Будучи доставлен к губернатору, Ермолов узнал в сыне его – бывшего сотоварища своего по Московскому университетскому пансиону; по просьбе своего сына благородный Кочетов представил в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочел оставить его в Костроме. Это распоряжение костромского губернатора относительно Ермолова было одобрено в Санкт-Петербурге. (Д.)

С горя принялся Ермолов читать и переводить «Римского Цезаря», между тем как новый Цезарь и наш славный Суворов воинствовали один после другого на его Альпах.

Ф. Вендармини. Портрет А.И. Кутайсова

Он познакомился с протоиереем и ключарем соборным Егором Арсеньевичем Груздевым и начал брать у него уроки латинского языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: «Пора вставать, Тит Ливий ждет уже давно». «Если б он принадлежал к черному духовенству, – говорил Алексей Петрович, – давным бы давно еще до того времени был архиепископом. Но он не хотел притворяться, и честолюбие не возмущало его души». (С.)¹⁰

В Костроме же сидел тогда другой русский молодец Платов.

Попался он на гауптвахту в Петербурге, вследствие каких-то отношений к любимцу Павлову, донскому генералу Денисову. Сидя на гауптвахте, увидел Платов сон, что на Дону ловит рыбу и поймал свою саблю. Через несколько дней в самом деле приносят ему, прощенному, саблю. Он в радости схватил ее, обнажил и воскликнул: «Вот она! Она оправдает меня!» Платов отправился к оставленному им семейству, в Москве пошел помолиться в собор, как вдруг является к нему фельдъегерь с высочайшим повелением ехать на житье в Кострому. Радостное восклицание Платова было донесено, и этому восклицанию придан недобрый смысл.

Изгнанники часто проводили время вместе и воображали, печальные, как на Альпийских горах отличаются их братья.

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта – над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку». (Д.)

Платов был, однако, освобожден прежде Ермолова и получил назначение идти в Бухару. Сжалась судьба и над его товарищем. Ермолов был вхож в дом губернатора И.В. Дамба,

¹⁰ Ермолов остался навсегда любителем латинского языка. Переводами с этого языка он занимался, даже когда уже был генералом. «В походе по неметчине скука была ужасная; попадешь в иное место, хуже каторги». Переводы его, однако, не назначались для печати. Только однажды попечитель Московского учебного округа Писарев известил в каком-то журнале, что скоро появится в свет его перевод; но Алексею Петровичу не достало времени продолжать свой труд. Латинская конструкция часто отражается в его слоге. Переведенный на Кавказ, он уже не имел времени заниматься посторонними предметами. (С.)

который вскоре сделался военным министром. Домашние его и родственники, остававшиеся в Костроме, писали к нему о печальной участи молодого изгнанника.

Дамб отнесся просьбою к всемогущему тогда Кутайсову, с которым был женат на родных сестрах (Резвых). Кутайсов принял участие и велел Ермолову написать к нему частное просительное письмо с прописанном всех обстоятельств.

Гордый Ермолов не согласился. Он не хотел освобождением своим быть обязанным фавориту, пред которым, однако ж, тогда все преклонялось, – примечательная черта в характере молодого человека!

Императора Павла вскоре не стало. В первый день восшествия на престол Александр велел освободить Ермолова вместе с прочими людьми, замешанными по делу Каховского.

Ермолов приехал в Петербург и поступил на службу.

Вот как в своих записках относится он о первоначальной своей службе, с 1801 года:

«Восшел на престол ныне царствующий император...

At vos incertam, mortales, funeris horam Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

*Propertius»*¹¹.

«Множество несчастных увидели конец бедствий, в числе коих и я получил свободу. По справедливости время сие могу я назвать возрождением, ибо на двадцать первом году жизни содержался я под караулом, как преступник, найден невинным, и обращен, по именному повелению, на службу; взят менее нежели чрез две недели вторично, исключен из списков как умерший, заключен в Санкт-Петербургскую крепость и впоследствии отправлен в ссылку в Костромскую губернию, где начальством объявлено мне вечное пребывание. Всемогущий во власти своей царям мира, равно как и нам, положил предел жизни, и мне суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мне молчать все другие чувства, одна была мысль – посвятить жизнь на службу государю, и усердию моему едва ли могло быть равное. Я приезжаю в Петербург, около двух месяцев ежедневно скитаюсь в Военной коллегии, наскучив всему миру секретарей – и писцов. Наконец доклад обо мне вносится государю, и я принят в службу. Мне отказан чин, хотя принадлежащий мне по справедливости; отказано старшинство в чине, конечно не с большою основательностью.

Президент Военной коллегии, генерал Ламб, весьма уважаемый государем, при всем желании ничего не мог сделать в мою пользу.

С трудом получил я роту конной артиллерии, которую колебались мне поверить, как неизвестному офицеру между людьми новой категории. Я имел за прежнюю службу георгиевский и владимирский ордена, употреблен был в войне в Польше и против персиян, находился в конце 1795 года при австрийской армии в приморских Альпах. Но сие ни к чему мне не послужило, ибо не известен я был в экзерциргаузах, чужд Смоленского поля, которое было школою многих знаменитых людей нашего времени».

Сообщу теперь драгоценные отрывки из собственных записок Алексея Петровича Ермолова, которые счастливый случай доставил мне в руки после статейки моей в «Московских ведомостях».

«Я приезжаю в Вильно (1802), где расположена была моя рота. Людей множество, город приятный, отовсюду стекаются насладиться кротким царствованием Александра I, все благословляют имя его, и любви к нему нет пределов. Весело идет жизнь моя, служба льстит честолюбию и составляет главнейшее мое упражнение, все страсти покорены ей. Мне двадцать

¹¹ Секст Проперций. Элегии. Кн. 2. XVII. «Вы, смертные, ищите неверный час кончины и спрашиваете, каким путем придет смерть!»

четвертый год; исполнен усердия и доброй воли; здоровье всему противостоящее. Недостает войны. Счастье некогда мне благоприятствовало.

Мирное время продлило пребывание мое в Вильне до конца 1804 года¹². Праздность дала место некоторым наклонностям, и вашу, прелестные женщины, испытал я очаровательную силу, вам обязан многими в жизни приятными минутами.

Я получил повеление выступить из Вильни. Неблагодарное начальство меня преследовало, и в короткое время мне назначены квартиры в Либаве, Виндаве, Бирже, Гродно и Кременце на Волыни; я веду жизнь кочевую и должен был употребить все способы, которые дала мне служба при моей воздержности и бережливости. У меня рота в хорошем порядке, офицеры отличные, и я любим ими, и потому все казалось мне сносным, и служба единственное было благо.

1805 год проходя из местечка Биржи, инспектор всей артиллерии граф Аракчеев сделал в Вильне смотр моей роты, и я неблагоприятно и дерзко возразил на одно из ее замечаний, умножил неблагоприятие могущественного начальника, что и чувствовал впоследствии. За год до того рапортом чрез частного инспектора просил я увольнения в отставку, и, чтобы воспользоваться ею за четыре месяца до указанного времени, я предлагал оставить майором, хотя почти уже семь лет находился в чине подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состоянии моего здоровья.

¹² О времени том Давыдов рассказывает следующий анекдот: «По вступлении на престол императора Александра формуляр Ермолова, который был вовсе исключен из службы, был найден с большим трудом в Главной канцелярии артиллерии и фортификации. Граф Аракчеев пользовался всяким случаем, чтобы выказать свое к нему неблагоприятие; имея в виду продержать его по возможности дольше в подполковничьем чине, граф Аракчеев переводил в полевую артиллерию ему на голову либо отставных, либо престарелых и неспособных подполковников. Однажды конная рота Ермолова, сделав переход в двадцать восемь верст по весьма грязной дороге, прибыла в Вильну, где в то время находился граф Аракчеев. Не дав времени людям и лошадям обчиститься и отдохнуть, он сделал смотр роте Ермолова, которая быстро вскакала на находящуюся вблизи высоту. Аракчеев, осмотрев конную выpravку солдат, заметил беспорядок в расположении орудий. На вопрос его «Так ли поставлены орудия на случай наступления неприятеля?» Ермолов отвечал: «Я имел лишь в виду доказать вашему сиятельству, как выдержаны лошади мои, которые крайне утомлены». «Хорошо, — отвечал граф, — содержание лошадей в артиллерии весьма важно». Это вызвало следующий резкий ответ Ермолова в присутствии многих зрителей: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов». Эти слова заставили взбешенного Аракчеева поспешно возвратиться в город. Это сообщено мне генералом Бухмейером.

Д. Доу. Портрет А.А. Аракчеева

Спокойное России состояние прервано было участием в войне Австрии против французов...

В помощь Австрии пошел генерал Голенищев-Кутузов, армия его должна была состоять из 50 т. ч.

Пришедши с моею ротою к Радзивилову, я уже не застал армии и догонял ее ускоренными маршами, почему ехавшему генералу Кутузову из Петербурга попался я на дороге, и он, осмотрев роту, два уже месяца находившуюся в движении, одобрил хороший за нею присмотр, взбодрил приветствием офицеров и солдат, расспросил о прежней коей службе и удивился, что, имевши два знака отличия времен Екатерины, я имел только чин подполковника при бывших производствах прошедшего царствования. Он сказал мне, что будет иметь меня на замечании, приказал поспешить в соединение с армией. Таким образом армия наша собралась в окрестностях Браунау, и в сем городе учредилась главная квартира. Авангард был в Баварии на 13 часах пути.

Известно было, что собирается французская армия и уже не весьма в далеком расстоянии от австрийской, почему войска наши получили маршруты до Ульма и мы готовились к выступлению.

Ф. Вендармини. Портрет М.И. Кутузова

Генералу Кутузову представляют немолодого человека, имеющего сообщить ему важное известие. Мог ли ожидать генерал Кутузов, что то был сам генерал Макк с известием о совершеннейшем уничтожении армии, бывшей под его начальством. Наполеон напал на австрийскую армию при Ульме. Генерал Макк, худо извещенный о движениях неприятеля, не довольно был осторожен, войска его были разбросаны и собраться не успели. Внезапная атака такое произвела замешательство, что армия довольно многочисленная, в хорошем весьма состоянии, вся по частям и почти без сопротивления разбита была совершенно и большею частью досталась в плен, взята вся артиллерия и все обозы. Спаслась от поражения небольшая часть войск под начальством эрцгерцога Фердинанда, генералов Кинмейера и Мерфельда. Не избежал плена и сам генерал Макк, но, давши реверс не служить против французов, он получил увольнение и за паспортом их отправился в свои поместья. Перевязанная белым платком голова его давала подозрение, что славного подвига сохраняет он по крайней мере некоторую память. Но он успокоил насчет опасности, объяснив, что от неловкости почтальона он более потерпел, нежели

от неприятеля. В дороге опрокинута была его карета и он ударился головой, так, однако же, так счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

Узнавши все подробности происшествия, генерал Кутузов, поблагодарив генерала Макка за известие, с ним расстался. Кажется, никому лучше нельзя поверить в сем случае.

Генерал Макк и то заслужил удивление, что скоростью путешествия своего предупредил и самую молву. Армия австрийская не имела на сей раз расторопнейшего беглеца!

Генерал Кутузов нашелся в необходимости переменить сделанные им распоряжения, и положение его час от часу делалось затруднительнее. Неприятель шел с большою скоростью и уже не в далеком находился расстоянии. Быстрое отступление было единственным средством, но с нами была вся тяжелая артиллерия, госпитали и обозы. Дабы сколько возможно облегчить войска при отступлении, приказано все тягости отправить обратно, но г. Кутузов с войсками оставался в Браунау, ожидая присоединения австрийских войск, спасшихся от поражения при Ульме.

Наконец вышли мы из Браунау и началось знаменитое отступление, которому и сам неприятель не отказал в удивлении.

Конная моя рота и еще две пешей артиллерии в моей команде, не принадлежа никакой части войск, оставались в особенном распоряжении главнокомандующего, как резерв артиллерии. Сие особенное благоволение, привязывая меня к главной квартире, делало последним участником при раздаче продовольствия людям и лошадям, и тогда как способы вообще были для всех недостаточны и затруднительны, а мне почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодом, просил я о присоединении моей команды к которым-нибудь из войск. Мне в сем было отказано. Австрийский генерал Кинмейер, не имея при войсках конной артиллерии, просил о присоединении к оным моей роты, и я должен признаться, что совсем не жалел, когда главнокомандующий не изъявил на то согласия, ибо лучше хотел я терпеть вместе с товарищами.

22 октября при местечке Амштеттен (где Багратион понес большой урон) Милорадович приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игель-стром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь – и одним храбрым стало менее в нашей армии. После смерти его рассыпались его эскадроны и неприятель остановился в бегстве своем. За два дня пред тем, как добрые приятели, дали мы слово один другому воспользоваться случаем действовать вместе, и я лишь только узнал о данном ему приказании атаковать, бросился к нему на помощь с конною моею ротою, но уже не застал его живого, только остановив неприятеля движение, дал способ эскадронам его собраться и удержаться на месте¹³.

Я продолжал канонаду, а между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков, и сам

Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, grenадеры ударили с решительностью, и неприятель, далеко прогнанный, скрылся в лес и не смел показаться.

При Амштеттене в первый раз был я в сражении против французов, и в службу мою в первый раз с конною артиллерией, которой употребление я так мало знал, как и все другие. Возможность двигать ее удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанности поспевать всюду, и потому я попал с гусарами. Впрочем, мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно возвышение, не допустил устроить батарею, которая могла делать нам большой вред.

Генерал Милорадович чрезвычайно благодарил меня, конечно не за исполнение его приказаний, ибо удачное действие принадлежало случаю, и я смею подозревать, что ему нелегко

¹³ В одном из журналов описано это происшествие.

было бы приказать что лучшее; не менее того еще, как офицеру неизвестному, весьма приятно было, что начальник отзывается с похвалою.

По отступлении армии к Кремсу арьергард генерала Милорадовича остался при самом разделении дорог, дабы сколько возможно продлить неведение неприятеля о направлении нашей армии. Его усилили конницею, и князю Багратиону приказано находиться в самом ближайшем расстоянии. Передовые посты наши из венгерских гусар довольно далеко впереди занимали между лесами выгодное расположение, и неприятель не мог видеть ни малочисленности нашей, ни занимаемого нами места. С передовых постов дано знать, что прислан парламентар, объявляющий желание начальника французского авангарда переговорить о деле о генералом Милорадовичем. Приехавши на место, Милорадович не застал уже французского генерала, который, долго дожидавшись, отправился в свой лагерь, оставив капитана с данным от него поручением. После довольно несвязного разговора французский капитан сделал предложение свести передовые наши посты, присоединяя обещания, что они в продолжение дня со стороны своей ничего не предпримут. Отвратительная наружность негоциатора определяла меру заслуживаемого им доверия. Милорадович, исполненный мечтаний об офицерских блаженных временах, когда на каждом перекрестке встретившийся выставял себя за образец чести и добродетели, где между неизвестными заключались вечные узы дружбы и малейшее сомнение в верности было преступлением, Милорадович не дерзнул оскорбить рыцаря недоверием к словам его и, как должно, не спросив его об имени, приказал снять посты. Я был свидетелем сего свидания и подозревал, что нам выгоднее бы было иметь дело вместо Наполеона с Франциском I.

Только что стали мы приближаться к своему лагерю, как получили известие, что, когда оставили места свои войска, составлявшие передовую стражу, и начали собираться, неприятель напал на них в больших силах, преследует уже их не в дальнем расстоянии и что вслед идет немалое число войск. Вскоре появился неприятель и занял все окрестные возвышения, так что в виду его отступление делалось весьма опасным. Не знаю, кто умел склонить Милорадовича отменить приказание послать помощь отступающим гусарам, ибо иначе произошло бы дело, по неудобству местоположения для нас, без сомнения, невыгодное. Итак, не выходя из лагеря, устроились мы в боевой порядок и приготовились к отражению. Неприятель двинул сильную пехоту на правый наш фланг, слабейший положением, и заставил нас обратить в ту сторону и силы наши и внимание, а в то самое время против левого нашего крыла большим отрядом кавалерии произвел обозрение в тылу нашем, где не могло укрыться от него, что кроме войск князя Багратиона не имели мы другого подкрепления. По счастью нашему, неприятель не мог прежде вечера кончить обозрение, по той причине, что кавалерия его принуждена была сделать большой обход вокруг леса, мимо коего кратчайший путь лежал под выстрелами наших батарей. Итак, наставший вечер не допустил ничего предпринять решительного, и Милорадович избежал наказания за непростительную ошибку, которую надобно было поправить потерей многих голов. Неприятель не застал бы головы у Милорадовича, ибо, невзирая на бесстрашие, она была в величайшем замешательстве. В полночь разложил весьма большие огни, мы беспрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менее рад был многим.

На другой день, по прибытии в Креме, заняли мы арьергардом предместье Штейн. Маршал Мортье приблизился к самым вратам города, и началась весьма горячая перестрелка.

Главнокомандующий располагал дать войскам отдохновение, и нужно было исправить одежду и обувь солдатам, поврежденные непрерывными дождями в продолжении целого месяца, и для того нельзя было терпеть неприятеля в столь близком расстоянии. Генерал Милорадович получил повеление атаковать его, и одна неустрашимость и предприимчивость его могли восторжествовать!

Артиллерия по неудобству местоположения мало была в употреблении, и потому во все время сражения находился я при генерале Милорадовиче, и могу судить, что оно в своем роде

было одно из жесточайших, и войска наши оказали возможной степени мужество. Решительное окончание дела произведено искусным направлением войск, в команде генерала Дохтурова бывших; но генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежит большее участие в успехе, ибо до того сбил он неприятеля со всех высот, ближайших к городу, невзирая на твердость его позиции.

...Вскоре после сражения получено известие, что неприятель овладел Веною без сопротивления.

...Главнокомандующий ускорил отступление... и мы от стороны Вены не опасались уже быть отрезанными. Дабы избегать сражения всеми силами и по превосходству неприятеля не подвергнуться, без всякого сомнения, поражению, главнокомандующий решился противопоставить неприятелю арьергард князя Багратиона и он оставлен близ города Голдабруна (откуда удачно совершил отступление).

...Главнокомандующий прошел город Брюнн и соединился с армией графа Буксгевдена. Государь вместе с австрийским императором находился в крепости Ольмюц...

Таким образом, в происшедших с неприятелем делах, во все время отступления от Браунау и до Брюнна, генерал Кутузов, против многочисленных сил приобретши успехи при Ламбахе и Амштеттене и совершенную победу при Кремсе, довел войска если несколько и утомленные быстротою движения, но с наилучшим духом и ничего не потерявши, кроме одной пушки при Ламбахе. Сия ретирата по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени. Между соединившимися армиями приметна была чрезвычайная разность. Пришедшая из России была совершенно сбережена и в наилучшем устройстве. Наша напротив потерпела от продолжительных трудов, изнемогла от недостатка продовольствия, от ненастного времени глубокой осени. Одежда войск истреблена была на бивуаках, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были в различных и даже смешных нарядах.

Государь выехал навстречу армии и, судя по приветствиям, которыми удостоил многих, казалось, доволен был службою храбрых и верных войск его. Между прочими изъявил и мне за службу благоволение. (Ермолов в продолжении этого отступления приобрел полную благосклонность главнокомандующего, так что получил прозвание в армии: *L'enfant gate du general*¹⁴.) Государь приказал дать армии отдохновение.

Армии по соединении расположились у самой крепости Ольмюц...

...В Ольмюце нашел я инспектора всей артиллерии, графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагорасположением, невзирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счет мой. Едва имел я к нему доступ и никогда ни малейшего ободрения, тогда как многим другим оказывал он сильное свое покровительство. Тут по сравнению выгод, приобретенных другими, почувствовал я, как невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет!

Армии наши получили повеление выступить вперед. Генерал Кутузов был противного мнения, и рассуждения на сей предмет были различные... По малому значению или, лучше сказать, по совершенному незначению моему в армии, не мог я знать точных намерений начальства, но общая молва была, что государь не согласен с мнением г. Кутузова и согласился на предложения австрийцев.

Я с конноартиллерийскою ротой находился при кавалерийской дивизии генерал-адъютанта Уварова, которая пред некоторою частью армии составляла передовое войско. На четвертый день около вечера (по дороге к Брюнну) встретились мы с неприятельскою кавалерией в малых силах; перестрелка была незначущая, и кавалерия прогнана. Темнота ночи остановила

¹⁴ Генеральский приемный.

нас на вершинах одного возвышения в хорошем местоположении. Недалеко позади стала на бивуаках вся армия. Впереди нас изредка видны были неприятельские огни, которые, казалось, означали цепь передовой стражи. В армии был слух, и почти все верили, что неприятель уходит. Около полуночи у подошвы возвышения, на котором стояла наша дивизия, в одно мгновение загорелись огни, охватившие большое пространство. Мы увидели обширные бивуаки и движение великого числа людей, что наиболее утвердило многих во мнении, что неприятель не ищет даже скрывать своего отступления. Напротив того некоторым казалось сие подозрительным. Мы узнали вскоре, что огни означали торжество в честь Наполеона и зажжены были в его присутствии.

Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени. Немедля за ним прислан офицер с «диспозициею» на нескольких листах, наполненной трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочесть многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании. Одно то ясно было, что на завтра атакуем мы неприятеля.

Ф. Вендармини. Портрет Ф.П. Уварова

Еще до рассвета выступила армия, опасаясь, по-видимому, чтобы неприятель не успел уйти далеко. Войска на марше должны были войти в места, по «диспозиции» для них назначенные, и потому начали колонны встречаться между собою и проходить одна сквозь другую, отчего произошел беспорядок, который ночное время более умножало. Войска разорвались, смешались, и, конечно, не в темноте удобно им было отыскивать места свои. Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович в моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок. К сему прибавить надобно, что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда. Общий авангард всей армии находился весьма мало впереди и на самой конечности правого фланга, так что собою не закрывал он ни одной колонны, и армия в движении своем совершенно была открыта. Дивизия генерал-адъютанта Уварова отведена была далеко назад, чтобы потом перейти ближе к правому флангу, где вся почти кавалерия соединена была особенно.

Таким образом колонны подвигались вперед в полной безопасности, и между ними допущены были большие пространства, в том предположении, что, приближаясь к неприятелю, войдут они в надлежащее боевое устройство.

С началом дня, когда полагали мы себя еще в довольном расстоянии от неприятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядок, мы увидели всю французскую армию, стоящую в боевом порядке, и между нами не было двух верст расстояния.

Из сего заключить можно, сколько достоверные мы имели известия об отступлении неприятеля и чем обязаны премудро начертанной австрийской диспозиции, которая более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию к бою.

Совершенная готовность неприятеля доказывает, что он предуведомлен был о нашем предприятии, ибо не почитал за нужное открывать следования нашего, и даже до самой занимаемой им позиции не было ни одного пикета. Войска его оставались в бездействии, удивленные странным явлением, ибо трудно было предположить, чтобы могла армия в присутствии неприятеля, устроенного в боевом порядке, совершать подобное движение, не имея какого-нибудь хитрого замысла. К тому же неровности местоположения скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкий ручей и многие из колонн вдались в селения, лежащие между озер по низменной долине, простирающейся до подошвы занимаемых неприятелем возвышенностей, когда обнаружились все наши силы и несоразмерные между колонн промежутки, открылся ужасный с батареей огонь, и неприятель двинулся к нам навстречу, сохраняя всегда выгоду возвышенного положения. Некоторые из колонн наших в следовании их были атакованы во фланг и не имели времени развернуться. Другие хотя и устроили полки свои, но, лишены будучи содействия и помощи других войск, или даже окруженные, не могли удержаться против превосходных сил, и в самое короткое время многие части армии нашей приведены были в ужаснейшее замешательство. Самые начала действий, собственно по предположению, что неприятель в отдалении и войска успеют соединиться, не согласовались с диспозицией, а потому и перемены необходимо не соответствовали предначертанной цели. Действия сделались частными, связи между войск не существовало, и сблизиться они не имели возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейский корпус, под начальством его высочества цесаревича, назначенный составлять резерв, должен был при самом начале сражения вступить в первую линию и по необходимости столько занять места, что не мог он отделить ничего на составление второй линии. Левый фланг, под командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, где прежде находилась дивизия генерал-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступил с меньшею потерей людей, но батарейные 24 орудия, бывшие в долине, и часть пехоты у их прикрытия достались во власть неприятеля. Изломавшийся под передним орудием мост остановил прочие в следовании. Колонны, находившиеся в центре: генерала Милорадовича – по долгом сопротивлении, рассеяна; генерал-лейтенанта Пришибышевского, неосторожно проходя селение, окружена и, потерпев большой урон, чрезвычайно много потеряла пленными, в числе коих и сам попался начальствующий колонною; генерал-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству места, недолго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейб-гвардии сделали несколько удачных атак, но в них не было связи, и люди, не привыкшие к войне, увлечены будучи храбростью, бесполезно истощив усилия, понесли большой урон. С отличною неустрашимостью действовали полки кавалергардский и конвой гвардии, и часть сего последнего, врубившись в конницу, взяла одного орла, но общий испытан жребий, была опрокинута с потерей.

Неприятель, одержав сии успехи, умножил войска свои против авангарда князя Багратиона, расположенного на конечности правого фланга, и против кавалерийских дивизий генерала-лейтенанта Эссена 2-го и генерал-адъютанта Уварова, которые до того сохранили места свои единственно по той причине, что неприятель, обратив внимание в другую сторону, их

истребление определил в последствии. Вся сия кавалерия состояла в команде австрийского генерала князя Лихтенштейна. Многие из полков врубались в неприятельские войска, но должны были уступить превосходным силам.

При самом начале сражения генерал-майор Меллер-Закомельский с уланским полком его высочества цесаревича сделал блистательную атаку, опрокинул противоставшую кавалерию, рассеял часть ближайшей пехоты, но тяжелая его рана пресекла его успехи, оставила его во власти неприятеля у самых пушек, которым угрожала его храбрость, и полк рассеянный обратился. В кавалерии нашей, точно как и в других войсках, действия по большей части были частные, без всякого взаимного вспомоществования. Итак, с одного крыла и до другого войска наши по очереди одни после других были расстроены, опрокинуты и преследуемы.

Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти чрез оный невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые мог я освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были сняты, люди переколоты, и я достался в плен¹⁵. Дивизия генерал-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имела время осмотреться, что она бежала от малого числа неприятеля и что главные его силы, остановившись на возвышениях, не спускались в долину. Прогонявшие нас были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода, когда уже я был близко от французской линии. Я обязан свободою Елисаветградского гусарского полка полковнику Василию Ивановичу Шау¹⁶, который догнал меня с несколькими человеками Харьковского драгунского полка. При нем не было ни одного человека полка, к которому он принадлежал, почему судить должно о беспорядке.

Присоединясь к остаткам истребленной моей роты, нашел я дивизию в величайшем беспорядке у подошвы холма, на коем находился государь. Холм занят был лейб-гренадерским полком и одною ротою гвардейской артиллерии, которые не участвовали в сражении и потому сохранили устройство. При государе почти никого не было из приближенных, на лице его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здесь можно было видеть части почти всей армии, и если премудрая «диспозиция» нас разделила, то бегство соединило многих. На месте сражения оставили мы более шестидесяти орудий, и армия отступила. Войска генерала князя Багратиона потерпели урон несравненно менее прочих; часть пехоты его приведена была в замешательство неприятельскою конницею, но она, не будучи поддержана в своих успехах, дорого поплатилась за свою дерзость, тем не менее, однако же, потеряно несколько пушек. Из сих войск составлен арьергард в команде князя Багратиона. На прямейшей дороге к городу Аустерлицу, чрез который должны были проходить наши войска, учрежден большой пост, который поручен мне в команду, вероятно, потому, что никто не желал принять сего неприятного назначения. Пост сей состоял из одной роты лейб-гренадерского полка, одной сотни лейб-казаков, одного эскадрона спешенных драгун Черниговского полка, одного эскадрона лейб-кирасирского ее величества, одного эскадрона Елисаветградского гусарского полков и двух орудий конной артиллерии. Приказано разложить большие огни и петь песни. Сего последнего не было исполнено, ибо не было расположения к веселости.

По счастью нашему, время клонилось к вечеру, и неприятель далее болотистого канала нас не преследовал.

¹⁵ В рассказе Д.В. Давыдова это происшествие описано так: «В Аустерлицком сражении рота его была окружена неприятелем со всех сторон. Прислуга 4 орудий была изрублена, другие три орудия, увязшие в грязи, были также взяты французами, и сам Ермолов, под которым была убита лошадь, взят в плен». Заметим, что Ермолов в своих записках не говорит об убитой под ним лошади.

¹⁶ Давыдов приписывает освобождение Ермолова еще графу Орурку.

Я с отрядом войск обязан спасением тому презрению, которое имел неприятель к малым моим силам, ибо к совершеннейшей победе не мог он желать прибавить несколько сотен пленных. Но когда нужен был ему водопой, он довольствовался тем, что отогнал передовую мою стражу от канала. Я должен был выслушивать музыку, песни и радостные клики в неприятельском лагере. Нас дразнили русским кликом «Ура!».

Пред полуночью я получил приказание отойти, что должно было последовать гораздо прежде, но посланный офицер ко мне не доехал. В городке Аустерлице, давшем имя незабвенному сражению, нашел я арьергард князя Багратиона, который не хотел верить, чтобы могли держать меня одного в 6 верстах впереди, и не восхитился сим распоряжением генерал-адъютанта Уварова. Прошедши далее 4 версты, прибыл я к армии, но еще не все оной части собраны были, и о некоторых даже не было известия, беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не было, видны были разные толпы. Государь не знал, где был главнокомандующий генерал Кутузов, а сей беспокоился насчет государя. Я должен был явиться генерал-адъютанту Уварову, и сей был в восхищении, что украшенным донесением мог придать важность отряду его собственного изобретения.

Не дожидаясь присоединения оторвавшихся частей, армия в продолжение ночи пошла далее. На рассвете стали собираться разбросанные войска, и около 10 часов утра появилась неприятельская кавалерия, наблюдавшая за нашим отступлением. В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения.

Вскоре узнали мы, что австрийский император заключил перемирие с Наполеоном, обязавшись немедленно приступить к переговорам о мире, и мы уже не могли ожидать вмешательства австрийцев.

Армия наша прибыла в местечко Голич на границе Венгрии, чрез которую лежал нам путь. Отовсюду окружены мы были французскими отрядами конницы, и арьергард наш находился уже в самом близком расстоянии от армии, дабы не подвергнуться опасности быть отрезанным.

В перемирии, заключенном с австрийским императором, упомянуто было, что русские беспрепятственно отступают в свои пределы, но время и направления были назначены.

Кажется, в сем снисходительном позволении не имели мы нужды, ибо неприятель следовать за нами в такую страну, какова Венгрия, и в позднее время осени не мог. Не мог также быть уверенным, чтоб Австрия, имея в готовности армию эрцгерцога Карла и войска эрцгерцога Фердинанда, расположенные в Цнайме, не усмотрела выгоды перервать перемирие, что Наполеона поставило бы в самое затруднительное положение.

Я не описал Аустерлицкого сражения с большою подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям. Случалось мне слышать рассуждение о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласовались в том, что никогда не были свидетелями подобного события. Нет сомнения, что впоследствии составятся описания, но трудно будет дать им полную уверенность, и скорее могут быть с точностью определены частные действия, нежели соотношения их между собой и согласования действий со временем.

О сражении Аустерлицком можно, кажется, сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием притом ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще другие русские войска.

Так разделенных нас и лишенных взаимного вспоможения предоставила судьба пред лицом неприятеля, и он, трепещущий имени русского, осмелился быть победителем!

«Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Vergilius»¹⁷.

В половине января месяца 1806 года армия наша, возвратясь в свои пределы, расположилась на квартирах в Волынской губернии.

Я с ротой моею отправлен в 3-ю дивизию генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена, расположенную около местечка Щавель Виленской губернии.

В непродолжительном времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице, мне за дела во всю кампанию дан орден Св. Анны 2-й степени, ибо ничего нельзя было дать менее. Напоследок по отличному отзыву обо мне главнокомандующего и ходатайству генерал-адъютанта Уварова я произведен в полковники, обойдя одного старее меня в чине. По расположению ко мне начальства, я должен был и то принять за величайшую награду, хотя в одном чине был я без малого девять лет.

...В помощь Пруссии назначена армия под начальством генерала барона Беннигсена. В состав сей армии поступили свежие войска, не бывшие в прошедшем походе, и она состояла из 2-й дивизии генерал-майора графа Остермана Толстого, 3-й генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена, 4-й генерал-лейтенанта князя Голицына, 6-й генерал-майора Седморацкого. Кавалерия непосредственно принадлежала дивизиям, но, по обстоятельствам отделяемая от оных, составлялась особыми частями.

Под начальство генерала графа Буксгевдена поручена другая армия, также из четырех дивизий состоящая.

Наполеон... при городе Ауэрштедте совершенно разбил прусские войска... пошел с армией к Варшаве, извещен будучи о приближении к ней наших войск.

В Белостоке сошлись (наши) армии, и начальствующие ими, не будучи приятелями прежде, встретились совершенными злодеями.

Наполеон занял Варшаву.

В сие время прибыл к командованию обеими армиями генерал-фельдмаршал граф Каменский. Опытный начальник при первом взгляде увидел, сколько опасно положение войск наших, рассыпанных на большом пространстве. Он приказал поспешнее собрать войска. Близость неприятеля не допускала сделать того иначе, как отступивши некоторое расстояние.

Армия наша начала сосредоточиваться отступая... не могли, однако же, некоторые части войск избежать неравной борьбы с неприятелем... При местечке Лопачин атакован был превосходными силами генерал-майор граф Пален (Петр Петрович). Он шел на сборное место дивизии и от оног находился не более 1 мили с половиной. Столько не безопасны были сообщения между войск наших. Граф Пален имел к отступлению кратчайшую дорогу на местечко Голымин и ту выгоду, что лесистые места препятствовали неприятелю действовать многими силами, а сверх того в Голымине он мог найти наши войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, невзирая на большие гораздо трудности, он взял направление на отряд генерал-майора Чаплица, расположенный у местечка Цеханов, который плаче был бы отрезан и впоследствии мог быть уничтожен. При сем отряде находился я с тремя ротами артиллерии и легко мог видеть, что направление его на Цеханов не приносило никакой пользы, но было следствием одного неблагоприятного распоряжения графа Буксгевдена. Фельдмаршал, узнав о том и сделав строгое замечание за нелепое раздробление сил, приказал отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на месте и, утомленные грязною чрезвычайно дорогой, не могли тотчас выступить обратно. По счастью, генерал граф Пален искусным сопротивлением продлил сражение и не прежде присоединился к отряду генерала Чаплица, как уже поздно вечером, и потому неприятель не мог воспрепятствовать нам соеди-

¹⁷ «Я не столь ненавистен победе, чтоб не решиться на все во имя великой надежды» (*Вергилий. Энеида*. 435. Пер. С. Ошерова).

ниться с войсками при местечке Голыmine. Когда на другой день возвращались мы к оному, неприятель проходил по той прямой дороге, о которой сказал я выше, но мы одним часом времени его предупредили.

Прибыв в Голымин 14 декабря, нашли мы 7-ю дивизию генерал-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генерал-лейтенанта Тучкова, 1-ю и часть 4-й дивизии генерал-лейтенанта князя Болицына из армии генерала Беннигсена.

Неприятель начал перестрелку. Войска его были в малых силах и по большей части состояли из кавалерии под начальством принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей стороне, и если топкие места покоряли нас не самому выгодному устройению войск, которые расположились на двух дорогах, почти под прямым углом сходящихся, то неприятель менее имел удобства, занимая средину, лесом и мелким кустарником покрытую. Против восьми его пушек мы имели до восьмидесяти орудий, вся 5-я дивизия нашлась излишнею по тесноте местоположения и составляла резерв, тогда как неприятель не имел других стрелков, кроме спешенных конных егерей. Совершенно от нас зависело уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрелкой, и Мюрат был атакующим. В течение непродолжительного времени пришла сильная неприятельская кавалерия, но число артиллерии его не увеличилось, ибо она по причине болотистых мест и дорог, в то время года непроходимых, не могла следовать равною с нею скоростью. Та же самая причина препятствовала пехоте, и она прибыла в весьма незначительном количестве.

По старшинству, думать надобно, командовал с нашей стороны генерал Дохтуров, но справедливее сказать, не командовал никто, ибо, когда послал я бригадного адъютанта за приказанием, он, отыскивая начальника и переходя от одного к другому, не более получаса времени, был по крайней мере у пяти генералов и ничего не успел испросить в разрешение. Между тем неприятель сделался предприимчивее и непонятным образом успел обойти левое наше крыло, что не иначе могло произойти, как от нашей оплошности, но избыток сил вскоре восстановил порядок. Должно отдать справедливую похвалу храбрости генерал-майора князя Щербатова: когда полк его, Костромской мушкетерский, расстроен будучи большою потерей, должен был уступить удачной атаке неприятеля, он взял знамя, бросился вперед, и неприятель обратился в бегство. К вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и заметны были многие в линиях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении и что войска отходили, конечно, не по приказанию, но по произволу. Долго не смел я отступить без приказания; согласил я подполковника князя Жевахова с двумя эскадронами Павлоградского гусарского полка идти, и мы отправились в ту сторону, где видно было более отступающих. Пройдя местечко Голымин, взял я направление на местечко Маков. Правый фланг войск наших, состоявших из отряда генерал-майора Чапдица, видя, что левый фланг отступил, и никак не ожидая, чтобы местечко Голымин, занимавшее центр нашей позиции, могло быть оставлено нами прежде, нежели пройдут последние войска, беспечно подошел к нему, но у самого местечка встречен был картечными выстрелами. Внезапный сей случай привел в замешательство Екатеринославский и Владимирский мушкетерский полки, темнота способствовала беспорядку, и два орудия достались в добычу неприятелю.

Таким образом кончилось сражение, имевшее для нас одну ту пользу, что мы развлекли силы неприятеля и собою заняли некоторую часть оных. Но простителен ли подобный расчет, когда употреблены на то средства в три раза более тех? Что бы с таковыми сделал Наполеон?

В 5 верстах от Голымина, в селении Ключницы, нашел я в господском доме несколько генералов, и, конечно, они не вместе с нами приехали, ибо застал уже их спящих, а на полу остатки кушанья свидетельствовали, что сон не происходил от голода.

В отступлении от Голымина, не будучи преследуемы, ниже почти наблюдаемы неприятелем, оставили мы около сорока пушек большею частью батарейной артиллерии, единственно

по причине крайнего изнурения лошадей и дорог, непроходимых от чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота, но, захватив брошенных выпряженных лошадей от других рот, я избавился стыда лишиться орудия без выстрела.

В тот же самый день, как при Голымыне, произошло в Пултуске главное сражение... Генерал Беннигсен, не поколебав твердости своей и самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнув к последним средствам и резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в штыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против штыков. Войска его, потеряв взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успехи на сем пункте, и сами (потеряли?) в скором удалении средства спасти от поражения разорванные части, и мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не допустил Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было некоторое время для приведения в порядок распуганных войск, прежде нежели приступить к какому-либо предприятию. Итак, твердость генерала Беннигсена самое опасное положение обратила в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть их и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников.

После сражения при Пултуске и Голымыне армиям надлежало идти за неприятелем или по крайней мере остановиться... Граф Буксгевден, желая сделать г. Беннигсену вред или собственно по недоумению, продолжал выполнять повеление фельдмаршала об отступлении, вынужденное самою крайностью... но силу коего изменить должны были необходимо происшествия того дня

В день сражения фельдмаршал граф Каменский в десять часов поутру был в Голымыне и сам назначил посты для казачьего Малахова поста, предвидя важность сего места, к которому приказал войскам прибыть поспешнее. А дабы не потерять времени в переписке, послал от себя прямо к начальнику отряда, отправленного в Цеханов, чтобы он скорее возвратился в Голымин, поставя ему на вид, что одною быстротою движения может избежать опасности быть отрезанным. Фельдмаршал был также в Пултуске во время сражения, но, когда после оногo необходимо было войскам общее распоряжение, согласно переменявшимся неожиданно обстоятельствам, уже дан был приказ армиям, что он оставляет их по причине болезни, и отправился в Гродно.

Во всяком случае сделал он непростительный поступок, ибо присутствие его при армии тем необходимее было, что он не полагал важным кончить с выгодой сражение при Пултуске, а по отъезде его и малейшая неудача, при несогласии начальников, могла иметь бедственные последствия. Армия сожалела об его отъезде, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагали большие надежды¹⁸. Между начальниками были рассуждения, что ни к чему доброму не поведет известная вражда командующих армиями.

Генерал Беннигсен, лишен будучи выгод одержанной победы, нашелся в необходимости оставить место, ибо граф Буксгевден, отступая, открывал неприятелю дорогу в тыл его расположения и потому, взяв направление на местечко Рожаны, в городе Остроленке перешел на левый берег Варева.

Генерал граф Буксгевден туда же отступил чрез местечко Маково. Здесь оставлен был арьергард в команде генерал-майора Маркова для прикрытия армии, переходившей за реку. До самой ночи с чрезвычайною медлительностью продолжалось движение. В беспорядке тес-

¹⁸ Граф Каменский, по рассказу Д.В. Давыдова, так объяснял свой отъезд Ермолову, посетившему его в деревне с отцом своим в 1809 г.: «Всем известно, что в кампанию 1807 г. третья часть армии была распущена; прибыв в армию, я увидел, что ей необходимо следовало отступать к Висле; мне, к концу моего долгого поприща, показалось слишком тесно маневрировать между Вислою и Бугом: я мог испортить в несколько дней свою репутацию, составленную в течение 56 лет, а потому я предпочел оставить армию».

нились обозы на длинном мосту, а уже неприятель, вышедши из лесов в больших силах, занял позицию недалеко от местечка. Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им.

С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, прилежащие к мосту, дабы осветить приближение неприятеля, если бы покусился он идти на оный. Два раза подходили его войска, и в некоторых местах осматривали броды, большая часть сорока орудий, которыми я командовал, употреблены были на защиту оных, и трудно было успеть в том. Потеря от канонады должна была быть значительною, и мы успели разрушить часть моста. Мне грозил наказанием за произведенный пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, а особливо в 20 верстах от опасности, не трудно щеголять великодушием. Вняли, однако же, моим оправданиям!

Обе армии составлены в одну под начальством генерала барона Беннигсена, а граф Буксгевден отозван в Россию...

Главкомандующий получил приказание (1807) выступить в Пруссию, и армия, в самых последних числах декабря, пошла по направлению на Кольно, Бялу, Иоаннисбург и далее. Составлены три передовых отряда, из коих сильнейший дан в команду генерал-майора Маркова, другие два поручены генерал-майорам: Барклаю де Толли и Багговуту. Авангарду генерала Маркова, в котором определен я начальником артиллерии, назначено следовать на Арне, Рейн, Растенбург, Россель до Гейльсберга. Армия в близком расстоянии двинулась по тому же направлению.

Слышно было, что неприятель левым крылом своим потянулся также в Пруссию. В скором времени около Николайкена и Зесбурга появились конные его партии для наблюдения за движениями нашими. От нас отряжены таковая же, и они, при помощи жителей, в земле мало открытой, изрезанной множеством озер, приносили большую пользу. В Николайкене схватили они несколько человек.

12 января авангард, прибывши в селение Эльдиттен, узнал от жителей, что в городе Либштадте расположен отряд французских войск, от которого, не более получаса назад, приходил в селение заезд для узнавания, нет ли о русских каких-либо слухов. Мы в сей день сделали довольно большой переход, и потому генерал Марков, дабы употребить людей менее усталых, приказал вызвать охотников. Большое число объявили себя таковыми, но, когда предложено было 5-му егерскому полку и люди узнали, что идет сам шеф полковник Гоголь, общий отзыв был, что не останется ни один человек, ибо равно все идти желают, и, не сделав даже привала, полк выступил немедленно. Я упросил послать два орудия и с ними пошел сам, чтобы свидетелем быть происшествия.

В двух верстах от Либштадта возвышенности, которые должны мы были проходить, открыли нас неприятелю, и тотчас по городской стене и в воротах начала пехота приготовляться к обороне, но приметно было, что она не в большом количестве. Егеря наши, заняв прилежащее к городу кладбище, вошли в перестрелку, а между тем приспела и линейная пехота, расположилась против ворот, от которых продолжалась главная улица. Полковник Юрковский с двумя эскадронами Елисаветградского гусарского полка ворвался в город с боковой стороны оною, и в то же время пехота ударила в штыки. Неприятель приведен в замешательство и, столпясь в тесных и кривых улицах, потерпел большой урон, а те, кои бежали из города, ожидаемы были казаками храброго подполковника Сысоева, который стремительно их преследовал. Из пушек наших не сделано ни одного выстрела. В плен досталось нам 22 штаб- и обер-офицера и более 300 человек. Гусарский красный полк, неизвестно почему называемый просто парижским, почти употреблен (истреблен?) при сем случае. Оставивши в городе небольшой кавалерийский пост, генерал Марков возвратил полки в селение Эльдиттен, где утомленным войскам готова была пища и покойный ночлег. Мы в сии сутки в походе и действии были 16 часов.

По диспозиции из главной квартиры 13 января авангарду назначен ночлег в городке Морунген, и мы выступили с рассветом. Впереди, с Елисаветградским гусарским и двумя донскими полками, полковник Юрковский, прогоняя перед собою неприятельские пикеты, только лишь взошел на хребет небольших возвышенностей, у подошвы коих оканчивается пространная равнина, в которой лежит Морунген, увидел он устроенного в боевой порядок неприятеля довольно сильного. Полковник Юрковский имел неосторожность спуститься в равнину, и неприятель встретил его своею кавалерией. Прибыл, ускоривши движение, авангард, и нашел, что, теснимый превосходною кавалерией, отступает он к одной мызе, в которой прямая улица могла быть обстреливаема неприятельскою артиллерией. Немедленно привел я свою конную роту, и, превосходством огня и преимуществом возвышенного местоположения отогнав батарею, доставил я нашей коннице удобное отступление. Ей приказано было расположиться позади войск.

...Увидели мы на расстоянии двух пушечных выстрелов, по дороге от местечка Голланд (единственной, по которой должны мы отступить), выходящую из леса пехоту. Против правого фланга нашего, устроясь в боевой порядок, прикрытая кавалерией, начала она подвигаться вперед. Схваченные фланкеры показали, что прибывшие войска составляли корпус маршала Бернадота, им лично предводимый. За час до сего могли мы отойти безопасно, пропусти время, едва можно было надеяться спастись хотя бы и с большим уроном. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть неприятеля насчет сил наших и заставить его действовать с осторожностью. При первом взгляде мог он видеть, что мы не в состоянии были противиться силам его, по крайней мере втрое превосходным... Неприятель под сильным огнем своих батарей теснил остальную (за отбытием нескольких батальонов с генералом Марковым) часть авангарда, и мы отступали шаг за шагом. Артиллерия наша не делала других выстрелов, кроме картечных. Уже было очень темно, когда вошли мы в лес, и тогда неприятель прекратил преследование, вероятно в надежде иметь нас на другой день в своих руках. По отбытии генерала Маркова не оставалось другого генерала, и потому полковники Турчанинов (Павел Петрович), Вуич и я явились в команду старшего полковника Юрковского. Первое старание наше было отыскать дорогу, и я не менее других заботился о том, дабы не иметь стыда потерять более двадцати орудий артиллерии, но, встречая по лесу или глубокие снега или не замерзшие болота, мы не находили средства выйти. Командир Конного полка, храбрый Сысоев, отыскал место, по которому артиллерия могла удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко от неприятельского бивуака при селении Георгенталь. Конечно, средство сие спасти артиллерию было сомнительно, но так как не было другого, то решились мы испытать его. В следовании мимо бивуака французы произвели по нас ружейный огонь и мы имели несколько раненых людей, но далее мы шли в совершенной безопасности. Вскоре возвратились мы в Либштадт.

В Либштадте, в доме амтмана¹⁹ нашли мы генерал-майора Маркова, покойно спящего после хорошего ужина²⁰, и с ним нескольких спутников, которые все съели, ничего нам не оставляя, как будто мы не должны возвратиться. В утешение голодному осталось любоваться пригожим станом и прелестными глазами жены амтмана, но как я был герой, совершивший ретираду, то и не был я удостоен взгляда, который, как мне сказали, мог принадлежать победителю и с самим сердцем. Победенные не налагают контрибуции. Генерал Марков, как человек весьма ловкий, не показал удивления, видя нас возвратившихся, как будто мы только что исполнили его распоряжения. Мы заплатили ему столько же малым удивлением, когда чрез час времени приехал генерал-лейтенант князь Багратион и принял от него начальство над авангардом.

¹⁹ А м т м а н – начальник небольшого округа в Германии и вообще должностное лицо. (Примеч. ред.)

²⁰ Бывшая с ним часть авангарда в тот день была разбита.

...Мы ночевали в Морунгене, из которого незадолго вышли последние войска неприятеля.

Выступив перед рассветом 15-го числа, около селения Зонненвальд догнали неприятеля, но он не держался, разменявшись со мною несколькими пушечными выстрелами.

Дошли мы до города Дейч-Эйлау.

Авангард расположился на квартирах... Армия вся следовала за авангардом по одной дороге.

Командующий передовыми постами полковник Юрковский препроводил князю Багратиону перехваченного курьера от Наполеона к маршалу Бернадоту, с повелением прекратить отступление, которое до сего времени нужно было для того, чтоб армию нашу отвлечь за собою по направлению на Грауденц, а что между тем Наполеон соберет всю армию у местечка Адленштейн, 2-го числа февраля нового стиля, и со всеми силами нападет на растянутую нашу армию.

Особенное счастье дало нам в руки сего курьера...

Князь Багратион отправил бумаги к главнокомандующему и... разделил авангард для скорейшего движения на две колонны, из коих другая, в команде генерала Маркова, пошла чрез Остероде. В сей последней находился я с большею частью артиллерии.

Утро 22 января (2 февр. н. ст.) открыло нам сильную неприятельскую армию, и наша стояла напротив, готовая к бою.

Неприятель поражен был внезапным сим явлением... Он не решился атаковать нас, а главнокомандующий, имея нужду сблизиться со своими магазинами, дал армии приказание отступить, и она, с наставшим вечером, двинулась по направлению на местечко Ландсберг.

24-го числа января, с самого утра, догнал нас неприятель, и в таких силах, что с трудом можно было удержать некоторый порядок при отступлении. При селении Вольфсдорф неприятель стремительно напал на нашу позицию... Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и, если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля, я должен бы был потерять несколько орудий. Конную мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без ее содействия в лесу и даже ночью, и она направляла выстрелы свои или на крик неприятеля, или на звук его барабана. Войска его были чрезвычайно довольны, и князь Багратион отозвался с особенною похвалой. Урон наш во весь день был весьма значителен и, по крайней мере, равен неприятельскому. Против нас дрался корпус маршала Даву...

25-го числа января выступили мы перед рассветом, чтобы, прежде нежели начнет неприятель преследование, успеть пройти соединение дорог, по коим отходили арьергард и отряд генерала Барклая де Толли, что и удалось по желанию. От соединения дорог арьергард князя Багратиона следовал на местечко Ландсберг (для присоединения к армии) проселочною и малобитою дорогой, а туда же, не на большой дороге, чрез деревню Гоф, отправился отряд Барклая де Толли...

...Против него соединились оба маршала (Даву и Судет) с силами пять раз превосходными.

Неустрасимый генерал Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился сам, но сие сражение не приносит чести его распорядительности, и, конечно, немудрено было сделать что-нибудь лучшего.

...Главнокомандующий рассудил за благо оставить занимаемую (при Ландсберге) позицию по причине важных весьма в ней недостатков.

Арьергард князя Багратиона в прежнем числе войск оставлен пред входом в Ландсберг. Через час после рассвета арьергард прошел Ландсберг, расположился в ближайшей к нему позиции, в местечке оставлен сильный отряд пехоты и у ворот несколько орудий. Спустя довольно долгое время, в больших силах неприятель приблизился к местечку и, отвлекая вни-

мание канонадою, двинул гораздо большие силы на правый наш фланг. Обратившись против оных и способствуемы местоположением, долго дрались мы упорно, наконец быстро перешли мы поле, отделявшее нас от леса. Вслед за нашею пехотой неприятель взошел в Ландсберг, и его армия в глазах наших стала собираться на прежней нашей позиции. Видно было, что в сей (день?) не с одним неприятельским авангардом предстояло нам дело, но, к счастью нашему, пространство между Ландсбергом и Прейсиш-Эйлау по большей части покрыто все лесом. Князь Багратион отпустил назад всю кавалерию и часть артиллерии, дабы свободнее было в движениях. Все егерские полки, соединенные в местечке (были в действии), линейная пехота составляла подкрепление. До 11 часов утра дрались мы с умеренною потерей. Неподалеку нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитант оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяными, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка... и мы теряли их убитыми и пленными²¹.

Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арьергард вышел на открытое место, и ему показана позиция, которая заслоняла собою местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок. В подкрепление арьергарду присланы несколько полков от 8-й дивизии и полки конницы. Мы расположились по обеим сторонам дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудиями занял я хребет довольно крутых возвышенностей на левом фланге. К подошве оных простиралась долина, по коей должен был проходить неприятель, стрелки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правом фланге была часть кавалерии, большая часть оной поставлена позади. Неприятель, устроив на противоположной стороне батареи, открыл сильную канонаду, на которую отвечало изредка, по разности калибров, ибо не имел я ни одного батарейного орудия. Во многих пунктах спустились с высоты неприятельские колонны, но действием более сорока орудий остановлены; некоторые с приметною потерей обращены картечью. Около двух часов имели мы выгоды на нашей стороне, наконец двинулся неприятель большими силами; идущие впереди три колонны направлены: одна по большой дороге, где у нас мало было пехоты, другая – против Псковского и Софийского мушкетерских полков, и третья – против моей батареи из 24 орудий.

Шедшая по большой дороге проходила с удобностью и угрожала взять в тыл твердевший пункт нашей позиции. Прочие медленно приближались по причине глубокого снега, лежащего на равнине, и долго были под картечными выстрелами. Однако же дошла одна, хотя весьма расстроенная, и легла от штыков Псковского и Софийского полков; другая положила тела свои недалеко от фронта моей батареи. Полковник Дехтерев, с Санкт-Петербургским драгунским полком, пошел против колонны, следовавшей по большой дороге, которая, дабы отнять выгоду скорости движения по битой дороге, стала сходить в сторону, на глубокий снег. Торопливость была причиною расстройства; полк им воспользовался и, испытав слабый ружейный огонь, имел наградою за смелое предприятие одного орла и пятьсот пленных. Столько же, по крайней мере, убито, в числе их генерал, начальствовавший колонною. Мне не случалось видеть столько решительной кавалерийской атаки; не менее удивлен я был, видевши, как полк, не расстроившись, быстро спустился с крутой, покрытой снегом, высоты, с которой несколько раз до того съезжал я с осторожностью. Не долго пользовались мы приобретенными успехами, ибо неприятель атаковал гораздо в больших силах, умножились батареи, которые покровительствовали движению колонн, и мы, не в состоянии будучи противиться, получили приказание отступить и присоединиться к армии. Неприятель тотчас же явился на нашей позиции и по следам шел за нами. Удачно исполнил я приказание, – с конными орудиями прикрывал войска, пока вой-

²¹ 25 декабря, когда Багратион за Гофом прикрывал отступление армии к Прейсиш-Эйлау, «Ермолов с конноармейскою ротою своей, находясь в передних рядах, отражал картечью атакующие его неприятельские колонны». (Д.)

дут они в Прейсиш-Эйлау. Лишь только вошел я в ворота, неприятель подвел свои колонны и приступил к атаке местечка, которого оборона возложена на генерала Барклая де Толли. После переменного счастья местечко оставлено (за неприятелем), и к чувствительному урону в людях прибавлена потеря нескольких пушек.

Ж.А.С. Форт. Битва при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. Российская армия теснит французские войска

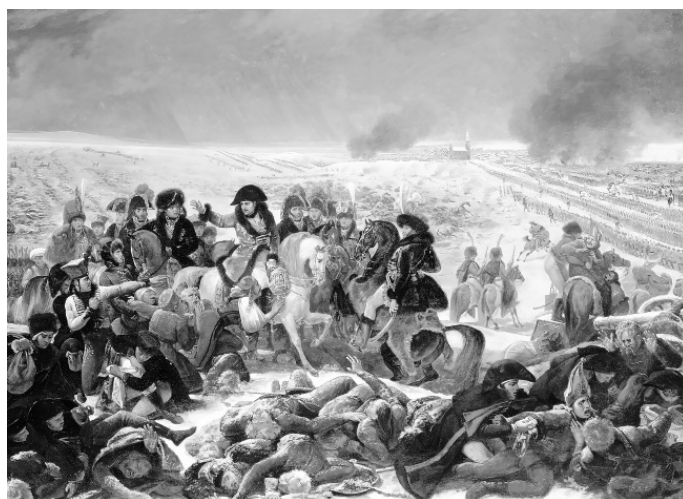
Настало 27-е число января, и сражение Прейсиш-Эйлауское было одно из кровопролитнейших в последние времена... Главный недостаток (наш) состоял в том, что весь левый наш фланг имел против себя высоты, где неприятель поставил свою артиллерию, за ними скрывал свои движения, сосредоточивал свои силы, и трудно было отвращать нападение их. Отчего при самом начале потеряли мы некоторое расстояние. По причине близких позади лесов нельзя было отодвинуться далее. Местечко Прейсиш-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало неприятелю открытым образом приближаться к самому нашему центру, в защиту которого, по необходимости, надлежало употребить большое количество батарейной артиллерии и держать постоянно на одном месте. Правый фланг был совершенно в пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина, болотистая, для действия неудобная, на которой показывались одни стрелки. Непонятно, как генерал-квартирмейстер не знал о сем болоте, и следствием того было, что не менее 12 тысяч войск стояли бесполезно, ограничиваясь пустою перестрелкой против отдаленных батарей, тогда как войска сии во многих местах были необходимее. И я, между прочим, стоял с двумя конноартиллерийскими ротами до полудня, стреляя изредка и без нужды.

Неприятель сделал несколько бесполезных атак на центр наш, уступая действию 60 поставленных вместе орудий. Нападение на левый фланг было успешнее. Не остановили его ни благоразумные распоряжения генерала барона Сакена, ни сопротивление неустрашимого генерал-майора графа Остермана-Толстого. Левый фланг отошел назад и составил почти прямой угол с линиею армии. Около 11 часов густой снег затмил свет, и действия прекратились на четверть часа. В сие время, обманутые темнотою, два эскадрона французских гвардейских кирасир заехали между наших линий пехоты и конницы, и едва некоторые из них спаслись. Рассеявшийся мрак открыл пред 7-ю дивизией колонну французской пехоты во ста, не более, шагах. Внезапно представшие ей полки наши остановились в совершенном от удивления бездействии. С ужаснейшим ожесточением, изъясненным громким хохотом, Владимирский мушкетерский полк бросается в штыки – и не остается могущих оплакать гибель товарищей.

Во многих местах дрались войска наши с переменным счастьем, и нигде, кроме левого фланга, на шаг не уступили мы места. Между центром и левым флангом семь полков кавалерии

нашей стремительным ударом опрокинули все, чей было против них; пехота неприятельская, бросая ружья, спасалась в лес; уже были они на батарее, но от беспорядка в минуту потеряны успехи, и не без стыда надобно было бежать от такой части неприятельской кавалерии, которую мог остановить Александрийский гусарский полк.

Вскоре после начала сражения на правом нашем фланге слышна была в отдалении канонада. Известно было, что маршал Ней преследует корпус прусских войск в команде генерала Лестока, которому главнокомандующий приказал сколько можно ранее присоединиться к армии, но чего он не выполнил. Когда неприятель около двух часов после полудня возобновил усилия, главнокомандующий послал подтверждение, чтоб он шел сколько можно поспешнее; но между тем надобно было чем-нибудь умедлить успехи неприятеля на левом нашем крыле. Посланная туда 8-я дивизия отозвана к центру, где необходимо было умножение сил; резервы наши давно уже были в действии. Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с каким намерением туда я отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив еще одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на конечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного неприятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу, почти уже в тылу войск наших.

А.Ж. Гро. Наполеон на поле битвы при Прейсиш-Эйлау 1808 г.

Я зашел за сию последнюю и выгнал пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батареи начал я канонаду и сохранил место свое около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока; в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на конечность неприятельского фланга; против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошел почти под выстрелы и все внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошел он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошел высоту и батареи, которые неприятель оставил во власти его, предался совершенному бегству и мрачная ночь покрыла место сражения. Главнокомандующий, желая видеть

ближе действие генерала Лестока, был на левом фланге, а удивлен был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия. Узнавши о причине, был чрезвычайно доволен.

Вот как рассказывает об этом сражении и участии в нем Ермолова Д.В. Давыдов: «Конные роты полковника Ермолова и Богданова находились на правом фланге армии, пред которым простиралось обширное, ровное поле, на коем, по-видимому, могла с успехом действовать многочисленная кавалерия; но неприятель, зная, что оно было весьма болотисто, избегал его. Наступление корпуса Даву, сильно встревожившее всех, заставило (дежурного генерала) графа П.А. Толстого приказать двум этим конным ротам, под командою Ермолова, спешить на левый фланг. Прибыв туда, Ермолов, снявшись с передков и оставив при себе самое необходимое количество зарядов, отправил всех лошадей, равно как и передки, назад. Граф Кутайсов, прибыв позднее сюда, с 1-ю конною ротой, сделал то же самое. Беннигсен, возвращаясь из корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки без орудий, вообразил в первую минуту, что они сделались добычею неприятеля. Против наших орудий находилось возвышение, вооруженное неприятельскими орудиями, весьма большого калибра, вероятно захваченными в прусских крепостях. После каждого выстрела наши артиллеристы, по приказанию Ермолова, пользуясь дымом, скрывавшим их на время от неприятеля, подвигали вперед на руках, по глубокому снегу, свои орудия, по направлению к возвышению. Деревня Ауклапен, зажженная брандсбургскими роты Ермолова, была потому очищена неприятелем. Когда корпус Лестока стал приближаться, все неприятельские выстрелы обратились против него; французские войска, покушавшиеся двинуться между возвышениями и нашими ротами, против Лестока, выстрелами из наших 36 конных орудий потерпели жестокий урон. Могилевский и Выборгский полки, входившие в состав корпуса Лестока, перебежали рысью по снегу большое пространство, чтобы стать во главе этого корпуса».

Хотя граф П.П. Пален и говорил, что Ермолов вполне заслужил Св. Георгия 3-го класса и Беннигсен был совершенно с этим согласен, но этот орден был лишь пожалован мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Резвого, а Ермолов получил Владимира 3-го класса. Так как генерал Резвый приказал составить списки об отличившихся, то граф Кутайсов потребовал их от Ермолова. Представляя их, Ермолов сказал: «Благодарю, ваше сиятельство, что вам угодно известить меня, что вы были моим начальником во время битвы».

«Я не без намерения, – говорит Давыдов, – подробно описал этот подвиг нашей конной артиллерии, прибывшей на помощь нашего левого фланга. Мое повествование, основанное на словах и свидетельстве многих артиллеристов, князя Багратиона, графа Толстого, Богданова, наконец, самого Беннигсена, явно противоречит вымышленным рассказам слишком усердных почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большие надежды и о слишком рановременной кончине которого справедливо сожалела вся наша армия, ни Ермолову не принадлежит мысль подкрепить 36 конными орудиями наш левый фланг, который не выдерживал уже натисков Даву; будучи отправлен князем Багратионом к ротам Ермолова и Богданова вскоре после присылки их к нашему левому флангу, я не нашел здесь графа Кутайсова, в скором прибытии которого с одною ротой никто еще здесь ничего не знал. Прибыв сюда позднее и приказав приведенной им роте поступить так же, как уже сделали роты Ермолова и Богданова, граф Кутайсов не позволил бы себе, без сомнения, того, что позволяют себе его почитатели, а именно: приписать себе главную честь быстрого появления конной артиллерии к угрожаемому пункту. Мне положительно известно, что князь Багратион, которому никто, без сомнения, не дерзнет отказать в беспристрастии при оценке заслуг своих подчиненных, почел личным для себя оскорблением то обстоятельство, что Ермолов, имевший, по мнению всех беспристрастных очевидцев, по крайней мере, равные права с графом Кутайсовым знаки Св. Георгия 3-го класса, не получил их; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.